

ВЛАСТЬ

РОМАН РОМАНОВ

ОХОТНИКИ ЗА ГОЛОСАМИ

Властвует тот и только тот, кто видит
движение мира и возглавляет его!

«КРЫЛОВ»

Власть

Роман Романов

Охотники за голосами

«Крылов»

2017

УДК 821.161.1
ББК 84-44

Романов Р.

Охотники за голосами / Р. Романов — «Крылов»,
2017 — (Власть)

ISBN 978-5-4226-0301-5

О выборах лучше всего может написать тот, кто работал на выборах, сам охотился за голосами. В природе власти лучше всего разбирается тот, кто сам был во власти, кто знает ее изнутри. Знает, как завоевывают власть, каких она бывает видов и как ее сохраняют. А в особой природе русской власти, как и в русской душе, способен разобраться только русский человек, вдобавок прошедший снизу вверх по ступенькам власти. В центре этой книги – природа власти как таковой и природа русской власти. Однако рассказ рассказу рознь. Долой скучные истории. Обо всем можно рассказать увлекательно. Тому пример эта книга – увлекательный рассказ с калейдоскопом разных приключений (и остросюжетных, и веселых, и фантастических). Разочарованным не уйдет никто.

УДК 821.161.1

ББК 84-44

ISBN 978-5-4226-0301-5

© Романов Р., 2017

© Крылов, 2017

Содержание

Охотники за голосами	7
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Роман Романов

Охотники за голосами

Аннотация:

О выборах лучше всего может написать тот, кто работал на выборах, сам охотился за голосами. В природе власти лучше всего разбирается тот, кто сам был во власти, кто знает ее изнутри. Знает, как завоевывают власть, каких она бывает видов и как ее сохраняют. А в особой природе русской власти, как и в русской душе, способен разобраться только русский человек, вдобавок прошедший снизу вверх по ступенькам власти. В центре этой книги – природа власти как таковой и природа русской власти.

Однако рассказ рассказу рознь. Долой скучные истории. Обо всем можно рассказать увлекательно. Тому пример эта книга – увлекательный рассказ с калейдоскопом разных приключений (и остросюжетных, и веселых, и фантастических). Разочарованным не уйдет никто.

Биография:

Романов Роман Николаевич родился 2 марта 1978 в селе Корнилово под Томском. Детство обычное, деревенское, с коровами, дровами и кедровыми шишками. Школу закончил с серебряной медалью, историю сдавал экстерном в районо, поскольку в деревенской школе не было учителя истории. Потом – исторический факультет Томского госпедуниверситета, который закончил с красным дипломом. Остался на кафедре преподавателем, закончил аспирантуру, перед самой защитой кандидатской уехал по приглашению нынешнего губернатора Псковской области Турчака Андрея Анатольевича в Москву – работать с молодежными движениями. В 2009 году переехал в Псков в команду губернатора и работал в администрации начальником Управления внутренней политики. Занимался партийной работой, общественной деятельностью, работал на выборах в качестве политтехнолога. В Пскове познакомился с Александром Прохановым, который, по сути, дал путевку в писательскую жизнь.

«Писатель Роман Романов в своей новой книге “Охотники за голосами” ныряет на такую глубину, где почти нет воздуха и где обитают странные глубоководные существа нашей российской политики. Писатель создает уникальную коллекцию этих странных уродцев, безбедно существующих в сернистых слоях наших политических водоемов. Мы даже не подозревали, что такова флора и фауна нашей провинциальной политической жизни. Лишь внезапно одно из существ проникнет на страницы романовской книги или явится нам в удушающем ночном кошмаре...»

«Повесть “Чиновник Авдий” – политическая фантасмагория, политический гротеск, жутковатая сказка, в которой жизнь губернского чиновничества описана как сказание о змие.

Современная власть интерпретируется как метафизическое зло, и борьба с этим злом невозможна без вмешательства потусторонних сил.

Писатель Романов знает эту жизнь как патологоанатом, и, делая вскрытие, погружает скальпель на предельную глубину, извлекая мертвые органы, имя которым – губернская бюрократия.

Труд для художника рискованный, но и почетный. Именно это опасное действие определяет язык произведения, его художественные приемы, его эмоциональный эффект, подчас подобный шоку».

А. Проханов, писатель, главный редактор газеты «Завтра»

«Повесть Романа Романова “Монархисты из квартиры 27” из этого круга современной прозы “on-line” и может показаться немного несобранной, но в этом она – только зеркало дня и сознания, научившегося оставаться молодым и после 30 лет. Вот и его герой-то прямо с первой страницы представляется “Сашка, вернее, давно уже Александр Николаевич”. Давно, а все – Сашка. И все они, как он, “не яппи, не хиппи, не интеллигенты, не мещане” – поколение без труда доставшейся свободы. Оттого и чтение родной истории этими молодыми людьми несколько снисходительно и детски самоуверенно. Естественно, что герой легко надеется поправить механизм прошлого, научившись в снах отправляться в минувшее, чтобы поучить там государей, политиков и революционеров, как надо бы сделать мир поразумнее.

История, однако, постоит за себя, и герой выйдет из нее помудревшим...»

В. Курбатов, журнал «Родная Ладога»

«“Охотники за голосами” – это завернутые в литературные формы диалоги о власти. Причем не просто о Русской власти, а о том причудливом конструкте, который сложился из смеси российских традиций и западной демократии за 25 лет. Взгляд изнутри, с земли, взгляд целого поколения последних комсомольцев и пионеров. Стоит читать внимательно».

О. Матвейчев, политолог, профессор ВШЭ

Охотники за голосами

Необходимое предварительное пояснение

Прежде чем рассказать эту ненормальную историю, хочу сказать тому, кто возьмется ее читать следующее. Записана она со слов непосредственного участника событий. Никакого вранья и всяческих литературных домыслов в ней нет. Поскольку в те месяцы я проживал в соседней Губернии и сам довольно часто бывал по делам в той самой Провинции, то самолично убедился в совпадении многих фактов из этой истории с тем, что действительно происходило тогда.

В конце концов, самые разнообразные люди, которые волею судьбы оказались вовлечены во все эти события, живы-здоровы, и ради личного любопытства со многими из них я даже пытался поговорить лично. Большинство реагировало странно: люди становились агрессивны или замкнуты, меняли тему или просто замолкали, или совершенно неожиданно начинали оправдываться. В любом случае хочу сказать, что история эта имела место быть в жизни.

Ведь что мы знаем о жизни? Если говорить совсем уж честно – почти ничего. Ни доказать, ни опровергнуть массу странностей в этой штуке под названием «жизнь» часто невозможно, а школьное образование либо игнорирует все разнообразие фактов, либо навешивает на них ярлык – «сказка». А сказка, как известно, доказательств не требует, она, типа того, всем намек и моральное предупреждение. Но разве то, что мы не можем умом и всей силой науки опровергнуть, означает, что этого не бывает на самом деле? Для меня, например, когда я был совсем маленький, Снежная Королева реально существовала, я по-настоящему ее боялся, не понарошку, выглядывал после мультика в окно и слушал завывание метели в зимней вечерней мгле. А если страх настоящий, то и Королева была очень даже реальной, пока мне кто-то из взрослых не сказал, что это голимое вранье конкретного сказочника, и она сама собой не перешла в разряд выдумок.

Впрочем, сказка так сказка, мне все равно. Хочу только заметить совершенно уверенно, что полагать себя умнее детей – совершеннейшая глупость, которую человек, как правило, осознает только в глубокой старости. В общем, считаю своим долгом рассказать, что мне стало известно, а как читатель к этому отнесется – сугубо его личное дело. Честно говоря, я и сам до сих пор не знаю, как ко всему этому относиться и какие выводы, какая мораль для общества, государства и политических консультантов во всем этом повествовании есть?

Единственное, что я вдруг осознал в процессе записывания рассказа – это то, что подобные истории, оказывается, имеют место быть почти во всех местах нашей необъятной России. Куда бы я ни приехал, самые элементарные поиски вновь открывали мне истории, подобные моей. Может, все дело в повсеместных и регулярных выборах и демократии? Ведь не было же раньше массы людей, которые вместо того, чтобы работать, лезут во власть или все свое время тратят на тех, кто хочет залезть во власть, попадая при этом в совершенно жуткие перипетии? Я даже предположил, что и в Москве, и в ООН все бывает точно также, но развивать эту мысль дальше, признаюсь, не хватает личного мужества. Поэтому единственное, что я нагло и не спросив героя изменил в рассказе – имена людей и названия мест, дабы избавить Провинцию от лишнего любопытства, мало ли что в ней еще хранится такого... очень важного для всех нас. В общем, дело было так...

I

Над Петербургом висело темное, набухшее сыростью небо. Эта мрачная, многотонная сырость словно пыталась раздавить клубами землю, прорваться к водам Невы, слиться с нею, и только макушки деревьев, фронтоны дворцов и античные истуканы на крыше Зимнего сдерживали давление небес. Добровольно гулять в такую погоду могут только неврастеники, мистики и совсем юные одиночки без собственной квартиры, страдающие от несчастной любви. «Удивительный город, удивительный город! – шепотом сам с собой разговаривал Турист, кутаясь на ходу в промокшую куртку. – Вот где небо-то с землей сходятся! Питер – это же край земли... И где Атланты, где Атланты, я вас, дорогие мои, спрашиваю? Приподнимите же небо повыше!»

Турист остался без денег, без билетов, без единого знакомого в огромном городе и брел, совершенно не ориентируясь в пространстве. Вдруг его взгляд остановился на знакомой картинке. Вернее как: куда бы он ни смотрел – везде были знакомые со школы картинки, но взгляд остановился именно на этой – Петропавловская крепость. «А вот пойду и зайду, может, там согреюсь где». В голове сам собой пролетел жиденький рой воспоминаний, ассоциаций и строчек из рекламных буклетов: Петр I, саркофаги императоров, монетный двор, казематы для революционеров, вроде все. Нет, еще такой красивый и несовпадающий с окружающей мрачностью, блестящий на солнце шпиль собора – «до-ми-нан-та» – это слово тоже догнало рой воспоминаний и тут же вылетело из головы неудачливого странника.

Не понимая, с какой стороны зашел в Петровскую цитадель, озираясь среди редких зонтов и фотоаппаратов настоящих, не то что он сам, туристов, остановился перед входом в какой-то собор, вернее, в тот самый, который «до-ми-нан-та», где, наверное, и находилось последнее пристанище русских императоров. Турист подумал, что нет никакой разницы, где греться, и раз уж он в двух шагах от входа – чего бы и не зайти, не подсушиться и не дать передышку уставшим, гудящим от долгой ходьбы ногам.

В этой довольно странной, забегая вперед, истории у Туриста впервые что-то противненько так сжалось под сердцем – именно при входе в храм. Он попытался уровнять дыхание, списав все на погоду и давление. Затем, быстро перекрестившись, как полагается русскому человеку, шагнул в мерцающее золотой лепниной, прозрачное и устремленное ввысь – в противоположность низким темным тучам – светящееся пространство собора.

Освоившись в новой обстановке, оглядевшись, Турист начал медленно, растягивая время, изображая из себя типичного любознательного туриста, мелкими шажками передвигаться по церковному полу. Он подолгу, опять же растягивая время на обогрев, рассматривал надписи на мраморных надгробиях. Но думал он, в силу своей природной, хотя и тщательно скрываемой от посторонних стыдливости, не о надписях, а о том, чтобы его внешний вид и поведение не выдали банально замерзшего и бесприютного человека в противоположность, как ему казалось, поголовно умным, прилично одетым, воспитанным и живо интересующимся историей туристам.

Однако, по мере согревания пропитываясь величественной тишиной и светом, недавно еще мечтающий сугубо о тепле и горячем кофе человек, незаметно погрузился в совсем другие, высокие мысли. Словно с тающих сосулек в душу стали падать капли-мысли о власти, страсти и перипетиях истории. Сражения, заговоры, интриги, вызовы эпох и подарки судьбы, победы и трагедии венценосной династии беспорядочным потоком, словно наяву, проносились перед блуждающим по царским мраморным надгробиям взглядом Туриста.

Он всегда был далек от сантиментов и романтики, от великодержавной тоски или циничного злорадства. Но при этом всегда, можно сказать, почти с юности, любую историю пытался переложить в выводы, выводы в рекомендации, а рекомендации довести до технологии получения и удержания власти. А перекладывал историю на область политехнологий промокший

человек потому, что кроме выборов различного уровня в различных губерниях, городах и районах вот уже лет пятнадцать ничем больше не занимался, не интересовался и не пробовал.

И вот прямо в соборе, в этой золотистой пелене видений, икон и мраморных гробниц его зацепила практическая мысль о том, как можно было бы русскому самодержцу использовать демократические выборы, и о том, как надо бы было поступить каждому из русских императоров.

Само собой ему явилось воспоминание, как однажды, в ночь после подсчета голосов на выборах он до хрипоты спорил с новоявленным депутатом Горсовета. Находясь уже на той стадии, когда русские люди спорят обо всем на свете независимо от банкетного повода, он заявил, что император Павел, знай он про референдумы, обязательно бы его провел и оставался бы еще на троне долго-предолго! Поскольку народ его как раз уважал, а петербургская аристократия все больше ненавидела. «П-п-п-авел видел наш век, и если бы не был убит – мир был бы сегодня с-с-с-совсем другой! Надо было просто выжить, а он – ик – не смог!» – заплетающимся языком довел до конца свою длинную мысль Турист.

С этим воспоминанием он словно очнулся, вздрогнул и заново начал внимательно осматривать надгробия, переходя от одного к другому в поисках надписи «Павел I». Пройдя ближе к золотому иконостасу и вытянув шею, он вдруг увидел у одного из надгробий открытую золотую калитку – в противовес всем остальным, плотно запертым оградкам. Со следующим шагом увидел вазу с белым букетом и, уже не сомневаясь, подошел ближе. «Павел, Павел! Бедный Павел... Здрас-с-с-ти-и, Ваше царское Величество! И кому это вы воротики-то отворили?» – про себя, но беззвучно проговаривая слова губами, подумал Турист. Неожиданно вспышкой электрического тока по позвоночнику пробежал дурацкий и смешной, но не в этой обстановке, ответ: «Для меня! Ой-е, мать моя! Меня встречает!»

Турист попятился задом не в силах отвести взгляд и развернуться. Где-то уже у выхода, крутнулся волчком и быстро вышел из Храма.

– Не подскажите, как пройти в этот замок, ну, где императора Павла табакеркой по голове, где он еще все на прусский манер сделал? А? Через мост? Вон тот? Какая Фонтанка? А-а-а, там спросить, ага-ага, спасибо, спасибо! – Турист несколько раз неловко изобразил поклоны в знак благодарности старушке-музейщице и стремительно вышел из Петропавловской крепости. По дороге он весело размышлял о своем испуге, тужился, вспоминая, какой сегодня церковный праздник, и даже почти что был уверен, что сегодня у всех Павлов именины, оттого и цветы, и открытая калитка. На душе стало весело и спокойно. Однако, зная свой характер, Турист не сопротивлялся возникшему любопытству и решил сходить в Михайловский замок императора Павла. Идеи всегда захватывали его полностью, он даже забыл, что ничего не ел со вчерашнего вечера.

А небо над Питером было уже совсем другим: солнечные лучи пробили толщу туч, заиграли позолотой на поверхности уличных луж и Невы, наполнили ярким цветом первую, еще совсем прозрачную весеннюю листву.

Пока мокрый Турист шагает по Троицкому мосту, остановимся ненадолго для знакомства. Не будем вводить читателя в заблуждение и сразу расставим все точки над «i» по поводу личности впечатлительного героя. Вот посмотрите на него со стороны: высокий, не меньше метра девяносто, с копной выющихся светлых волос, слегка сгорбленный, с нескладной подростковой походкой, худоват, хотя и широк в плечах. Джинсы грязноваты, ветровка замусолена, кроссовки стары. Глаза василькового цвета, нос прямой как у античного грека, губы припухлые. Девчонки таких обычно любят, но не выходят замуж. Парни таких обычно бьют или изводят насмешками, но уважают за бесшабашность и личную независимость. С виду ему, скорее, подошло бы прозвище Иванушка-дурачок, чем Турист в современном представлении этого слова в головах городских обывателей. На самом же деле зовут его, действительно, Иван, фамилия смешная – Ежихин, отчество – Федорович. Иван Федорович Ежихин.

Взрослые соседи в детстве и юности ласково называли его дебилушкой, или балбесушкой. Одноклассники, когда дразнили, называли его не иначе как Лупень или Паганель за его вечное витание в облаках. Когда не дразнили, то называли просто – Ванька-дылда. Родители у него были самые что ни на есть обыкновенные, из спального микрорайона то ли Казани, то ли Рязани, где, говорят, грибы с глазами. Они, в отличие от странного сына, никогда не падали в открытый на тротуаре люк, не застревали головой между перилами лестничных пролетов, не попадали под мопеды и не пытались ради интереса фотографировать с крыши девятиэтажки лицо пилота в момент посадки в старом аэропорту, который находился совсем рядом с микрорайоном.

Единственное отличие его от сверстников с детства – книжки и толстые журналы. Больше никаких выдающихся достижений. Уже на первом курсе местного института, в веселые девятые годы Ваня Ежихин бросил подрабатывать грузчиком на вокзале и с юношеским восторгом взялся работать на выборах у одного из кандидатов в Горсовет. В избирательный штаб Ваню привел сосед – старшекурсник все того же местного института, который в красках рассказал сколько «бабла можно поднять студенту» на выборах, особенно если бригадиром над другими такими же студентами. Сначала Ване очень хотелось заработать на теплую зимнюю куртку, чтобы не тянуть со своих уже почти нищих к разгару девяностых родителей, но буквально с первого же дня – готов был работать хоть за бесплатно. Его маленькая спальня наполнилась стопками библиотечных книг по психологии, социологии, маркетингу, политологии, а также классическими политическими трудами. Он читал партийные методички, потом хватался за Фрейда, переходил к полевым социологическим исследованиям, после которых принимался за древнеиндийскую Архашастру. За Архашастрой накидывался на модную в то время политологическую новинку «Уши машут ослом», а после встречи своего кандидата с избирателями, бежал в библиотеку за переводом японского Бусидо, поскольку Ванечке кандидат на мероприятии показался именно что самураем перед харакири.

В общем, повезло человеку, с самого начала жизненного пути нашел, так сказать, свою стихию и цель. А цель простая – придумать непобедимую выборную технологию его, Ивана Ежихина, авторства. С годами он, конечно, поумнел и понял, что не все решается технологическими манипуляциями, тем не менее выборы считал единственной своей профессией, достойной оплаты. Деньги ему, естественно, платили, то густо, то пусто, но обращаться с вожделенными бумажками он так и не научился, по крайней мере, пока не научился, к своим тридцати с небольшим годам.

За то, что он был легок на подъем и с удовольствием ехал по выборным делам туда, где обычно и Макар телят не гонял, в околполитической тусовке города к нему быстро приклеилось прозвище «Турист». При всем отвращении к туризму как способу времяпровождения Иван со временем смирился с этим прилипшим, как банный лист к известному месту, прозвищем.

Выборы в Горсовет тогда, в его первую кампанию, были суровые и бурные. Шальных денег кандидаты не жалели, и по всем тогдашним правилам сметы раздувались неимоверно. По району шныряли бригады агитаторов, внешне похожие то на банды гопников, то на первомайские демонстрации активных пенсионеров. Друг за другом следили крепкие парни в кожаных плащах до пят и разъезжавшие на тонированных девятках. Бригады имиджмейкеров, журналистов, операторов и еще куча всяких разных рекламно-агитационных специалистов-дармоедов всячески показывали кандидату и самим себе, как важна и решающа их работа на выборах. Они кортежами разъезжали по городу, организовывали мероприятия кандидата, искали новые сюжеты для телевидения и газет и устраивали, как им самим казалось, гениальные, не хуже чем на Западе, скандалы и провокации против других, точно таких же кандидатов. Со стороны могло показаться, что все жители города, за исключением малых детей, профессионально и за

деньги занимаются предвыборной кампанией, благо тогда заниматься особо больше и нечем было.

Иван, вникнув в процесс, через неделю был охвачен творческой чесоткой. Он сутки просидел за компьютером и, распечатав материалы, нагло, без приглашения ввалился в кабинет Кандидата, на которого работал.

Кандидат – маленький, лысенький живчик с гусарскими усиками и вечно бегающими глазами. Все советское время он был заместителем по хозяйственной части коммунального техникума, с о-о-очень серьезными по тем временам связями и возможностями. Впрочем, таких персонажей тогда было как навоза весной: куда ни глянь – везде оттаял. А запах навоза, как говорили деревенские трактористы, что толкали по бешеным ценам халявный навоз горожанам, которые в то время массово бежали в пригородные огороды – это запах денег. Главное, что политические персонажи в эту оттепель грамотно вписались в Россию системы девяностых и откуда-то имели деньги, даже фантастические, по меркам Ивана, деньжищи.

Кандидат попивал кофе прямо на ворохе предвыборных газет и листовок с начальником своего предвыборного штаба, знаменитым уже тогда технологом Василием Кузнечко. Они оба вопросительно уставились на тогда еще совсем юного Туриста.

– Тебе чего, юноша? – демократично и весело спросил модный политтехнолог, с легким раздражением отметив про себя, что вообще-то это форменное хамство через его голову заваливаться к заказчику, да еще и с какими-то макетами, которые он предварительно не просматривал. Впрочем, заказчик сам же сразу и успокоил инстинкт конкуренции за доступ к телу финансового источника.

– Вася, чего это за перец? – И дальше срываясь на нервный крик измученного публичным вниманием кандидата в депутаты: – И чего они вообще ходят сюда, как на выставку санфаянса?! А? Мне чего, в собственной конторе охранника к двери кабинета поставить? А, блин?

Иван не дал боссам продолжить диалог. Смело, с непосредственной улыбкой идиота подошел к начальственному столу и с удивительной ясностью глаз, которыми он словно излучал торжество, искренность и человеческую доброту, начал громко говорить:

– Да вы не бойтесь, я ненадолго. Смотрите, чего я придумал. Если вот эти буклеты и плакат сделать, то мы гарантированно возьмем пятьсот голосов в СИЗО и заберем примерно тридцать процентов избирателей у нашей конкурентки. Только надо быстро это сделать и это, как там... тотальная и агрессивная расклейка, во!

На столе оказалось два шедевра начинающего политтехнолога: макет будущего буклета с фотографией самого кандидата напротив фотографии знойной голой красавицы, похожей на девушку из рекламы шоколадки Баунти; и второй плакат: голые, едва-едва прикрытые снизу женские груди формата А3 на белом пустом фоне.

– Гы-гы, – заржал Василий Кузнечко. Кандидат стал бордовым, он не отрывал взгляда от буклета, на котором казался сам себе неприлично толстоватым и староватым рядом с тропической красоткой.

– Вы где этих прыщавых озабоченных дроздов находите? – продолжая багроветь, взревел кандидат, обращаясь к своему технологу: – Да он же враг, Тamarкин шпион у тебя в штабе! Да я ж его... да его щас в лесу подвешат за одно озабоченное место, в натуре! Ты, пионер недоделанный, ты не понимаешь, к кому вваливаешься и с кем разговариваешь?!

Кузнечко мысленно согласился с реакцией заказчика в том смысле, что это юное чудо совершенно точно на его, Кузнечко, бюджеты, претендовать не может. Однако, именно с точки зрения его бюджетов и будущих выборов в Государственную думу, инцидент мог отрицательно отразиться на имидже самого модного в городе политтехнолога. Поэтому начальник штаба начал успокаивать кандидата с помощью самых наукообразных аргументов и примеров из практики цивилизованных стран, что действовало в те времена на российских политиков почти так же, как финский санфаянс на советских завхозов коммунальных техникумов:

– Погодите, погодите! Похоть, инстинкт продолжения рода, богатство в образе больших грудей, наконец, сексуальные девиации – это важный аспект жизни электората! Уверяю вас, что тема сисек – это обоснованная еще великим Фрейдом игра подсознательных табу, которую всегда используют ведущие мировые политехнологии в предвыборной игре в цивилизованных странах! Вряд ли президент Рейган так бы уверенно избрался, если бы не был популярным актером Голливуда и объектом желания зрительниц. А ведь на самом деле он далеко не красавец! Сексуальный скандал – двигатель электорального интереса, вопрос только в том, что хотел сказать своим творчеством наш юный стажер. Вы нам поясните идею вашего, пардон, клубничного творчества, завершите гештальт, но только очень-очень быстро, у нас без вас в офисе масса дел между встречами...

Иван был несколько смущен реакцией на свои макеты, но, подумав, что начальники ничего не поняли, а уже дают оценки, начал пояснять:

– Погодите. Это же не то, о чем вы подумали. Возьмем вот этот будущий буклет для СИЗО, лист сгибаем, получается четыре стороны, и что мы видим? Полезную для заключенного под стражу вещь, которую он не выбросит и которая полностью соответствует его жизненным, так сказать, проблемам. На первой странице знойная красавица – это символ желания, мечта запертого человека, сублимация, так сказать, представлений о свободе в послесоветские времена. Дальше – чистый лист с подписью «Распиши тысчонку». Это для популярной карточной игры, главного способа скоротать время, практическая польза, так сказать. Дальше – календарь на полгода вперед, считать оставшиеся дни до суда. И дальше, понятное дело, сам кандидат, который не просто для рекламы, а который понима-а-а-ет! – Иван высоко поднял указательный палец. – Понима-а-а-ет долю человека на шконке, человека, который это, как там, чалится, вот! А если б вы еще договорились радиоточку изолятора использовать для блатных песен, которые хотя бы без оскорбления вертухаев, вернее, сотрудников, то они вас вообще за своего родного приняли бы, и за такой шансон все голоса будут ваши! – Иван сделал паузу, поглядел на реакцию и для убедительности добавил: – В общем, это не примитивное зомбирование и советское собрание коллектива, а сознательная акция на нашей русской платформе «родственных душ»!

Кузнечко, скривившись, почесал за ухом. Он пытался угадать реакцию кандидата, но тот молчал, сопел и не сводил взгляд со своей фотографии. Потом сказал:

– Да эту фотографию даже моей теще показывать нельзя, не то что задержанным! Какие, едрит твою, родственные души! Типун тебе на язык, каркаешь! – Теперь уже Кандидат подумал, что это такой хитрый ход технолога Кузнечко через молодого дурачка, чтобы опять выйти за пределы обговоренной уже на десятый раз сметы. Поэтому быстро добавил: – Елки-палки, да все уже я перетер со всеми в СИЗО, а вы меня опять стричь начинаете, так сказать!

– А что со вторым макетом? – быстро отреагировал Кузнечко, уводя тему от скользких подозрений заказчика.

– Тут еще проще, – сразу подхватил Иван пас от главного технолога, немного помявшись и думая, как назвать вслух огромную женскую грудь в этом солидном взрослом кабинете: – Не знаю, как там по Фрейду, не все читал пока, но у нашей главной конкурентки, госпожи Скалкиной, в комсомольских кругах было неофициальное прозвище «Скалка-давалка»...

Кандидат в это время застался, хитро улыбнулся и слегка качнул головой. Ваня заметил, что попал в точку и продолжил:

– Это прозвище мы просто из узких кругов перетащим в широкое общественное поле. Берем эти, э-э-э, как там, эти... сиськи А-три и наклеиваем на соответствующее место на ее плакаты, которыми она залепила весь город. По тону и цвету все совпадает, смотрите, вот, технически – это ночь работы. Поначалу никто издалека и не заметит накладки, зато, э-э-э-э, сиськи, конечно, заметят все. Поскольку самые дисциплинированная, не пьющая и нравственно устойчивая часть нашего народа – женщины с детьми и пенсионеры, то пошлая соблаз-

няющая реклама должна вызвать резкое неприятие нашего основного оппонента... и это, того, ну вы понимаете. В крайнем случае через пару дней их штаб сам зачистит от своих плакатов наш город. При этом, благодаря сложившейся репутации – тема разврата будет восприниматься вполне... как это... естественно и правдиво, во! И мы с чистой совестью, как Робин Гуды, не врем людям, а наказываем морально разложившихся кандидатов проигрышем на выборах...

Повисла пауза.

– Еще идеи есть? – спросил кандидат. – Ну и кадры у тебя, Вася, и где ты находишь таких дурачков? Эх, рано комсомол закрыли, рано, в общем, сами тут порешайте, как лучше, у меня стрелка важная, потом побазарим с тобой один на один...

Кандидат как ураганчик завертелся по кабинету, собираясь, пожал руку Кузнечко, одно- временно ныряя другой рукой в дорожную дубленку, и шумно вылетел из кабинета.

Кузнечко присел за стол, побарабанил пальцами по столешнице о чем-то думая, поглядел на стоящего перед ним Ваню Ежихина и сказал:

– Садись. Кофе будешь? – Кузнечко потянулся к чистой чашке. – Будешь со мной работать, пока. Может, подружмся и я из тебя человека сделаю, может, выгоню без зарплаты, поглядим. Пока запомни самое главное на выборах: никаких выборов у нас нету. Вообще. Ясно? Есть спектакль, цель которого – заработать денег одним и оформить свое право на власть другим. И не важно, кто победит, главное, чтобы победила юная и пока щедрая российская демократия. И да, запомни еще: у нас нету никакого народа, что это вообще такое – народ? Есть электорат и все. Понял? И мы с тобой никакие не Робин Гуды, а просто «охотники за голосами», настоящие охотники, поймает дичь – будет тебе хлеб с икрой, связи и почет, не поймает – на рынок пойдем китайскими кроссовками торговать. Все просто. Пока этого с тебя достаточно, но ты это запомни, если хочешь выборами заниматься. Оцени откровенность, пока я добрый. И больше без моего ведома никаких инициатив, если на серьезные проблемы не хочешь нарваться, ясно? Это я тебе как бывший факультетский инструктор комсомола советую...

Так у Вани Ежихина появился первый друг по профессии и сама профессия. Потом были разочарования, дискуссии все с тем же Кузнечко о политехнологиях и власти, периоды затишья и бурных избирательных кампаний, муки совести и обострения цинизма. К моменту своего появления в дождливом весеннем Петербурге Турист уже стал типичным практикующим дельцом с глубокой внутренней тоской о несправедливом устройстве мира и с удивительным образом сохранившейся детской верой в то, что истинная демократия все-таки бывает.

Черный джип мягко прокатил мимо указателя границы одной из провинций Российской Федерации. Джип, короче, такой, ну, долго описывать, такой, что сразу видно – не фермер и даже не начальник цеха на таких джипах ездят, не иначе как очень состоятельный депутат, бизнесмен или сам московский какой начальник. Область, наоборот, была очень древняя, маленькая, с давно высосанным столицей народонаселением и растасканными по алчным частным рукам под дачи и земельные спекуляции бывшими помещичьими и колхозными усадьбами. Народец в области был все больше престарелый, в современном постмодернистском смысле необразованный, но консервативен, крепок хитростью и традиционно скрытен. Именно так и представлял свою будущую область пассажир черного джипа из рассказов знакомых, чтения интернета и московских сплетен. Этот пассажир – Василий Сергеевич Кузнечко.

Да, да. Тот самый Кузнечко, который в лихие демократические взял себе в подмастерье юного Ваню Ежихина, который по своей непроходящей детской придурковатости оказался в Северной Столице без денег, без знакомых, без крыши над головой и приперся в Петропавловскую крепость погреться.

Вся прожитая жизнь Кузнечко была банальна и обидна, на его взгляд, до слез. Нет, поначалу, на фоне миллионов «нищих совков», когда его почитали и любили, молодого, наполнен-

ного энергий и деньгами, связями и острым умом – все было хорошо с самооценкой. Тогда он даже премного собою гордился. Но со временем, как большинство из последнего поколения советской молодежи, разочаровался и понял, насколько жестоко он обманулся. Суть этой поколенческой обиды заключалась в том, что все его сверстники, как и он сам, превратились в поколение обслуги, менеджеров и прочих наймитов у тех, кто реально взял власть и ответственность. А благодаря тому, что власть и собственность в стране более старшие и умные люди брали как раз с помощью поколения Кузнечко, соответственно, самим кузнечкам уже не выскочить из системы и уж тем более не перековать ее под себя.

Василий с тихим ужасом однажды вдруг осознал, что ему предстоит всю жизнь давать советы одним политикам, язвить над другими до тех пор, пока не заплачат, морща лоб, заумно комментировать всякую скандальную ерунду, которую на следующий день забывали даже бравшие у него интервью журналисты. Потом опять комментировать, язвить, советовать и постоянно себя рекламировать всеми возможными придумками – везде, где только можно, всячески изображая из себя востребованного Эксперта, влияющего своим экспертным мнением на жизнь не меньше чем всей страны, а то и на весь мир.

Всю жизнь давать советы и придумывать объяснения или оправдания в зависимости от результатов других людей, других! Но при этом уже никогда самому не принимать решения, никогда фатально не ошибиться, никогда не насладиться своей собственной победой или достижением! В тот момент ему стало так страшно от этого своего открытия, что вся шелуха аргументов о безусловной значимости политтехнологов и консультантов провалилась куда-то в подземелье души, как в мусорную яму. А ведь люди работают на земле, управляют предприятиями, строят фермы, проводят научные исследования, считают бюджет города или борются с младенческой смертностью. Даже труд чиновников, которые не без его, Кузнечко, участия превратились в самую запуганную и позорную прослойку общества, показался ему вдруг, на мгновение, более благородным и ответственным.

Нет, нет, уважаемые читатели, вы не подумайте, что Василий Сергеевич жаждал доброй славы, хотел бы сам что-то сделать для кого-то! Он просто однажды понял, что его привычная, такая легкая и безответственная, информационно-политтехнологическая власть – кастрированная и бесславная на самом деле. Что в глазах миллионов – он один из типичных балаболов с экранов телевизора или новостных лент Интернета. А ведь начиная с советского пионерского детства, факультетского бюро комсомола он был уверен в собственной исключительности и в собственной особой судьбе. Из-за этой уверенности с развалом Союза бросил свою инженерную специальность, но не рванул вместе с нормальными комсоргами и юными кандидатами в члены КПСС в кооперативы, на аукционы и в криминальные авторитеты, а подался в загадочный тогда политический консалтинг и выборы.

И вот, будучи теперь, через двадцать лет, признанным консультантом сразу нескольких политических партий и ряда крупных заказчиков из числа депутатов и даже чиновников класса «А», он вдруг решил круто поменять свою жизнь и самому всенепременно стать губернатором. Пусть у него нет рабочего происхождения, олимпийских достижений или своего производства, нет рейтинга и авторитета в региональных элитах, нет поддержки Администрации Президента и нет своих подчиненных партийных структур на местах, но кому как не Кузнечко знать, чего все вышеперечисленное стоит и откуда оно берется.

Решено. Собрать подписи депутатов для прохождения фильтра, выставить свою кандидатуру на выборы губернатора Провинции и победить на выборах! Даже своих кровных и немаленьких, надо сказать, сбережений для этого предприятия матерому эксперту тратить не пришлось. Он просто поговорил тет-а-тет с лидерами двух политических партий, своими старыми клиентами, договорился с одной столичной финансовой группой за минимальный счетчик рекламных упоминаний в своих экспертных комментариях. В качестве гарантий пообещал, что продаст свое снятие с выборов в случае, если будет проигрывать, и отобьет расходы,

а в качестве награды – нарисовал политические и экономические радости, которые прольются на спонсоров в случае его победы в Провинции.

В итоге на коленях Кузнечко лежал тяжеленький тугой портфельчик с очень солидной и не стыдной, даже по московским меркам, суммой на первый этап кампании. Ах, как интересно и азартно Кузнечко было представлять в своих планах, что он работает на себя, только на себя!..

– Тише ты, чуть бабку не сбил! – Василий вернулся из глубокого погружения в мысли о предстоящем сражении на кочковатую региональную трассу, в свой черный джип. – Тормози! Сдай назад!

Автомобиль Кузнечко на скорости едва не зацепил старуху, божий одуванчик, сгорбленно тормозящую попутку. «Наверное, в полуразрушенную больницу в какой-нибудь убитый райцентр!» – подумал в стиле грядущих предвыборных выступлений будущий губернатор и сказал больше для водителя, чем для себя:

– Вроде бабка чистенькая. Сквозь тонированное стекло, по крайней мере. Ничего, мы с народом не брезгуем, подвезем и послушаем первую потенциальную избирательницу.

Водитель Петрович, больше похожий на амбала-телохранителя, тихо ругнулся по поводу области, где бабки сами лезут под колеса, и с визгом покрышек сдал назад. Кузнечко, не оборачиваясь, сунул за спинку сидения правую руку и открыл заднюю дверь.

– Как жизнь, бабушка? – через некоторое время громко спросил Василий, пытаясь в зеркало заднего вида рассмотреть лицо сгорбившейся старухи под небрежно накинутым платком. – Куда путь держите? Как у вас тут дела с начальством, все воруют?

Ответа не последовало.

– Бабуля-а-а, але-о-о! Глухая, что ли? Далеко до вашего Господина великого Града? – через некоторое время повторил вопрос Кузнечко. – Я – «Кузнечко, как маршал Гречко», фамилию то хоть запомни, э-э-э, электораа-а-ат!

Повеселевший Василий поглядел на угрюмое лицо водителя, и настроение поднялось еще больше. И только было он хотел продолжить свой веселый расспрос туземной бабки, как сзади раздалась скрипучая, с легким бульканьем, но очень разборчивая речь:

– Сразу за поворотом во-о-он тем тормозните, соколики, тормози, тормози, во-о-от, соколики мои. А ты малец, – обратилась старуха к Василию, снимая, чтобы перезавязать, платок на голове и оголяя лохмотья седых нечесаных волос, – меч-кладенец найди, а то поляжешь в наших буераках без проку и шапку царскую не примеришь, на худой конец – отвара брусничного похлебай, но только моева, чужова не пей, а то обернуться не сумеешь.

Старуха скрипуче захихикала и, не переставая хихикать, закашлялась своим булькающим, как болото под ногами, кашлем.

Пассажир и водитель, удивленные, вместе повернулись на своих сидениях, чтобы посмотреть на бабку, замерли и с открытыми ртами наблюдали, как та быстро и весело выбралась из машины и бодро поковыляла по тропинке прочь от дороги. В редком пролеске, куда убежала тропинка, виднелись кресты и надгробия какого-то старого кладбища. И ни одного дома, строения, ни одной души вокруг, только темная свинцовая туча, едва пропускающая лучи солнца, клубилась на горизонте там, где сходились тропинка, небо, могильные кресты и зеленые клочки болотных перелесков.

Кузнечко и Петрович одновременно резко повернули головы и посмотрели друг на друга, как бы пытаясь увидеть в глазах подтверждение своим догадкам. Наконец, более темный и неотесанный водитель Петрович выпалил громко: «Видал? Ведьма!» Взявший себя в руки и, не в пример Петровичу, куда более образованный Кузнечко, пытаясь справиться с каким-то древним, утробным страхом, ответил: «Как две капли, эта, из «Вия», где Куравлев в главной роли!» Петрович, словно отгоняющий назойливых мух старый мерин, задрыгал головой, развернулся к рулю и в суеверном ужасе надавил на педаль газа.

Через несколько минут езды черный джип въехал в маленький городок со старой, еще советских времен, ржавой металлической стелой, к которой были приварены крупные, из железных труб буквы названия населенного пункта: «г. Паракорочка. 1537 год»...

* * *

Через Троицкий мост, Марсово Поле, мимо Летнего Сада Турист добрался до Михайловского замка. Строение солидное, богатое и вовсе не трагически мрачное в лучах майского солнца. Даже не верилось, что именно здесь произошло убийство Императора, и на всякий случай Турист переспросил об этом нескольких прохожих.

Громадная и все-таки мрачная арка, узкие коридорчики, касса. Денег на билет не было. Совершенно не стесняясь этого обстоятельства, Иван подошел к окошку и громко, но очень вежливо попросил билетик за бесплатно, поскольку вот денег у него совершенно нет, а когда еще раз попадет в Питер – не имеет даже представления. Впрочем, он готов обменяться контактами с добрым человеком и при первой же возможности пополнить его счет через Интернет. Непрístupная кассирша, даром что петербуженка, немного опешила от такой наглости и несколько грубовато для очага культуры отказала, не столько из природной злости, сколько от диссонанса и несовместимости профессионального мировоззрения кассира с просьбой Ежихина.

Впрочем, как говорится, дуракам везет. Полную буфетчицу, чей закуток с кофе-машиной находился тут же рядом, тронула искренность Ивана, и она громко сказала: «Лора, дай билетик молодому человеку, я заплачу за него, пусть сходит, посетителей и так кот наплакал... Господи, да когда ж они ремонт свой уже закончат... Идите, идите, молодой человек, гардероб по коридору в-о-он туда, указатель же висит». Иван, как обычно, с искренним взглядом и стеснительной улыбкой несколько раз нелепо кивнул головой в знак благодарности, заодно попросил у буфетчицы поставить его еще с ночи разрядившийся телефон на зарядку, пока сам он будет знакомиться с историческими интерьерами.

В пустом гардеробе гардеробщиков не было, каждый сам вешал одежду куда хотел и брал номерок. Только маленькая стайка школьников вокруг пожилого экскурсовода слушала инструктаж перед началом экскурсии. Иван прислушался к рассказу пожилого экскурсовода:

– ...Видите ли, дорогие мои друзья, это не обычный дворец, и собственно говоря, дворцом он был совсем-совсем не долго. После убийства в этих стенах Императора Всероссийского Павла Петровича – царственные особы здесь уже никогда не проживали. Удивительная судьба. Дворец, построенный в пику царственной матери как альтернатива ее знаменитому на весь мир Зимнему, этому чуду Растрелли, стал печальным символом, немой антитезой русской монархии. И главное... – голос экскурсовода стал тихим, торжественным, пожилой гид слегка наклонился к школьникам, вытянувшим шеи навстречу, и почти шепотом продолжил: – Главное, ребята, устойчиво циркулируют слухи о том, что сам Павел Первый, зверски убитый в этих стенах, не нашел успокоение после смерти и до сих пор бро-о-дит, хо-о-одит в своем прусском мундире с непокрытой головой по коридорам своего любимого детища – Михайловского замка, в котором мы сейчас с вами и находимся! Да что там говорить, не вздумайте смеяться – я сам однажды видел его зимним вечером недалеко от той самой спальни!

Уже знакомый по Петропавловской крепости холодок вновь пробежал в груди Туриста, вновь засвербила мысль о цветах и открытой калитке у саркофага Императора, и совсем было уже успокоившийся Турист второй раз за день интуитивно почувствовал присутствие кого-то незримого. Впрочем, сам же экскурсовод вернул его в прежнее состояние рационального современного человека. Экскурсовод произнес, обращаясь к детям, все тем же таинственным шепотом:

– Поэтому, именно поэтому, дорогие ребята, в процессе нашей экскурсии нельзя громко разговаривать, нельзя ничего трогать руками, бегать, толкаться, чтобы... – Экскурсовод печально задрал глаза в потолок. – Чтобы не беспокоить душу невинно убиенного императора Павла Петровича!

Ежихин громко брызнул смехом, невольно привлекая к себе внимание группы школьников. «Мда, три минуты страшилки и целый час спокойного рабочего времени, – весело подумал Турист, позабыв про жутковатый холодок в груди и направляясь прочь от экскурсионной группы в звонкую пустоту дворцовых залов. – Легкая манипуляция и нет проблем. Действительно что-то в этом есть общее, в педагогике и политехнологиях! Коллега мой, можно сказать! Коллега!»

Турист неспешно шел из зала в зал, пытаясь прислушиваться к своим ощущениям и хотя бы для себя понять: что, собственно, он хотел бы здесь увидеть? Вариантов ответа в голове не складывалось, как бы он не старался думать, проходя мимо редких полусонных смотрительниц в уголочках залов. Он водил невидящим взглядом по свежестреставрированным стенам и потолкам, проходил по путаным лестницам и коридорчикам, совершенно уже не ориентируясь в пространстве. Лишь один раз его одернул тихий голос смотрительницы: «В императорской спальне и кабинете еще идет реставрация, молодой человек! Разве не видите стойку с объявлением?» Он покивал головой и побрел дальше. Вдруг посреди очередного вытянутого зала или широкой галереи на втором этаже волосы на затылке зашевелились, стало неудобно, по спине пробежал щекотный озноб. Определенно, кто-то смотрел на него сзади, Иван почти физически чувствовал чей-то взгляд.

Турист остановился, медленно повернулся, никого не увидел, повернулся опять, сделал два шага и снова ощутил на спине чей-то взгляд. Ошибки быть не могло. Он резко развернулся на сто восемьдесят градусов и принялся внимательно осматривать пустой зал, не сходя с места.

Дальше Туристу стало плохо, сердце бешено заколотилось, бросило в жар – он встретился с ним глазами.

Сбоку висела какая-то картина, где было изображено нечто такое массовое, и глаза одного из нарисованных людей внимательно глядели на Ежихина. Наверное, минуту, не меньше, нарисованный человек и живой Иван Ежихин смотрели друг на друга. Взгляд был теплым, живым и даже каким-то изучающим, что ли. Турист затряс головой, зажмурил глаза, открыл снова – картина висела на месте, взгляда не было. Он быстро подошел к изображению в шикарной золотой раме. «Перенесение Тихвинской иконы Божьей матери в Успенский собор в Тихвине», – прочитал название Турист. На картине был изображен выход людей из храма, на переднем плане Павел Первый и цесаревич Александр вдвоем несли Образ, рядом с Александром – его брат Константин и много-много нарядных сановников и священников вокруг. Вообще-то, взгляд императора на картине был направлен совершенно в другую сторону от того места, где недавно еще стоял Иван.

Но он об этом уже совершенно не думал, в голове бешено билась мысль. Один за другим в мозгу начали открываться ящички воспоминаний когда-то прочитанного в толстых журналах, умных книгах и на сайтах. Извлекаемая информация быстро превращалась в осмысленный логический поток: «Павел несет Тихвинскую икону вместе с сыном, который через три года предаст его и станет участником смертельного заговора против отца. Наверное, среди этих запечатленных неизвестным художником людей были и другие заговорщики. Тихвинская Богородица, явилась в Тихвине после падения Византии и присоединения Новгорода к Москве! Она стала символом явления Третьего Рима и хранителем преображенного Российского Государства! То есть власти? Стоп! Во время обороны Москвы в 1941 году именно чудотворный список Тихвинской Богородицы пролетел на самолете вокруг осажденной столицы! А сам Тихвин? В оккупации. И... точно, подлинник Иконы немцы увезли в какую-то оккупированную область, оттуда уже за границу...

Так, так, так... То есть икона эта очень даже связана с властью и государством Российским. Павел знал или чувствовал угрозу себе и своей власти, и в ряду его шагов по укреплению самодержавия был не только демократический ящик для жалоб, новый Закон о Престолонаследии, но и просьба покровительства у особой для русской Империи Православной Иконы. Стоп, стоп, стоп! А как же Мальтийский орден? А как же официальное прощение Павлом старообрядцев? Да и одних посвященных масонов в высшем сословии вокруг Павла с самого детства больше, чем батюшек! Какое уж тут ревностное Православие? Что-то не очень бьется!»

В продолжение катарсиса перед картиной в Михайловском замке Туристу яркой вспышкой, в деталях вспомнился давний уже разговор со старшим своим товарищем Васей Кузнечко на каком-то очередном банкете победителей в ночь подсчета голосов. Тогда Ваня Ежихин не просто спорил, а яростно не соглашался с пьяненьким, расслабленным после тяжелой предвыборной кампании старшим коллегой-технологом (но, надо заметить, с очень трезвым взглядом и разборчивой, хотя чуть более медленной против обычного речью). Как они вырулили на тему императора Павла, из памяти стерлось, но сам разговор детально врезался ему в память:

– ...Павел точно такой же, как и его мамаша, также ненавидел Французскую революцию и боялся Просвещения! Просвещения, вдумайся! Этой эпохи, благодаря которой появилось все, в том числе демократия, выборы и наша профессия, Ваня! Он ничем не отличался от мамки, кроме своей мелкой ненависти ко всему, что было связано с Катей Великой. Чистый экземпляр для психоаналитика! Видеть в нем что-то этакое оригинальное – глупость! Все та же православная самодержавная тоска, завернутая в такой же убогий прусский мундир! – несколько менторски и с долей снисхождения к собеседнику произнес Кузнечко, стреляя глазами на дальний край стала, где со всеми членами штаба активно флиртowała молоденькая референтка.

– Нет, Вася! – кипятился тогда Ежихин. – Желтый ящик Павла Первого – это супер-идея того времени! Это первая технология обратной связи монарха и народа! Это не бла-бла-бла про «Царя, плохих бояр, народ», а конкретное, процедурное претворение той же самой демократии! Понимаешь? Что такое демократия? Это же не только выборы, как ты понимаешь! Это обратная связь с народом! Любой гражданин Империи мог опустить в царский желтый ящик свою жалобу или мнение, любой, причем не анонимную! А это ведь еще восемнадцатый век! Может, поживи он подольше, как раз и родилась бы этакая модель «Православной демократии». И ведь пишут современники, как эффективно это работало!

– Эффективно, – ответил Кузнечко, сплевывая виноградную косточку на тарелку. – Но недолго. Понимаешь, Турист, какое тут дело. «Православная демократия» – это оксюморон, морок, фантом, так же, как «Исламская демократия» или еще какая. Не, не, не! Про всякие крестьянские сходы, Соборы и прочие выборы Царя-батюшки ты мне не рассказывай! Смотри, ну, какая кралячка! С третьим уже танцует и за мягкие места дает подержаться, а все на меня косится! Так вот, Турист, демократия и вот именно православная монархия не-сов-мес-ти-мы! И все демократические процедуры обратной связи будут выливаться или в миллионы доносов, или в анонимное освистывание и оплевывание всего и всех в родном Рунете! Так-то! Наливай по пятьдесят!

Кузнечко был уверен в своем интеллектуальном превосходстве и правоте на фоне нахмуренного и перебаривающего услышанное Ивана с бутылкой коньяка наперевес. Ему даже захотелось немного подбодрить своего усердного помощника, и Кузнечко веско добавил:

– Что поделать, друг мой, демократия уверенно победила! А в демократии невозможно получать власть сугубо от Всевышнего и лично отвечать за всех перед ним же, по-царски, так сказать! Только наше наследие и гены мешают электорату расслабиться и получать удовольствие! Именно из-за этого, засевшего на уровне подкормки наследия у нас до сих пор нелепо, как заморский маскарад, выглядят и выборы, и добровольно залезшие в предвыборный ад истово крестящиеся в храмах народные избранники. Две системы ценностей при столкновении друг с другом делают каждую в отдельности смешной и нелепой, а мы с тобой всего лишь работаем

в том, что есть, стареемся причесать и довести до ума, во всем можно найти свой гешефт при должном понимании.

Василий уже было встал в направлении танцующих членов штаба и весь вечер стреляющей в него глазами референтки, но Ежихин опередил его и, ухватившись за последние слова Кузнечко, резко проговорил:

– Вот именно! Именно, что демократия победила, пока победила! И не просто демократия, а именно европейская демократия и именно как альтернатива христианству. Чем больше демократии, тем меньше христианства и наоборот! Только так! И Павел, мне кажется, это понимал! Он навел мосты с Папой Римским и взял под свое крыло Мальтийский орден, он закончил вражду со старообрядцами, он вместе с Наполеоном мог закончить колониальное владычество Британской империи – и сегодня был бы совершенно другой расклад в мире. Он интуитивно, наверное, понимал все риски христианской цивилизации, о которой почти через сто лет будет писать с презрением Ницше и с надеждой наш великий философ Соловьев! Демократия может вырастать только из собственных корней той или иной страны!

Кузнечко замер у стола с яблоком в руках, повернулся и внимательно посмотрел на Ежихина, пытаясь понять смысл его слов. Зная, что история и уж тем более философия не его конек, и опасаясь, что не сможет сохранить первенство в разговоре, он покрутил пальцем у виска и сказал, весело подмигнув:

– Ваня, не пей больше, если что – присоединяйся к нам, уверен, что вечеринка рестораном не закончится.

Кузнечко ушел, а Ежихин остался за столом, проговаривая по привычке губами череду своих рассуждений...

– Молодой человек! Молодой чело-ве-е-ек! Я что за вами по всему дворцу бегать должна? Ваш телефон зарядился давно и несколько раз пиликал громче Петропавловской пушки, не нашла как громкость убавить!

Перед Туристом стояла сердобольная буфетчица с его телефоном в руках. Иван смотрел на нее невидящим взглядом, все еще находясь где-то далеко в своих мыслях. Буфетчица аж отпрянула от его стеклянного взгляда и тут же, вложив телефон в руку, развернулась в направление своего буфета.

Турист пришел в себя, еще раз внимательно посмотрел на картину, жалея, что чуть-чуть не успел додуматься до чего-то действительно важного, затем, выдохнув, посмотрел на экран мобильного. Каково же было его удивление, когда он увидел пять пропущенных вызовов того самого Васи Кузнечко, которого уже больше полугода не видел, но которого вспоминал, стоя перед картиной буквально только что...

* * *

А поводов звонить Туристу у Кузнечко действительно было предостаточно. Несмотря на все свое понимание предвыборных процессов и знание свойств отечественного электората в самых различных областях и местностях необъятной Родины – события складывались не то чтобы не по плану, а как-то несколько странно даже для такого опытного и искушенного в политическом общении человека. Впрочем, давайте по порядку.

После случая с классической киношной ведьмой под Паракорочкой странности для Кузнечко не закончились, а только начались, к тому же он там же, в первом же древнем населенном пункте своей будущей области, умудрился и влюбиться, как юноша, и подражаться, отчего был весьма и весьма сосредоточен и зол на себя.

Шикарный черный джип вкатился в городок где-то в то время, когда солнце еще высоко, но самые хитрые работники тихонько, вроде как «по делам», уже испаряются с рабочих мест, а

те работники, что не такие наглые – уже каждые десять минут посматривают на часы и строят планы на вечер.

– Администрацию города ищем, Петрович! Там обязательно флаг, табличка красная с гербом, какие-нибудь голубые елочки вокруг и статуя Ленина должна быть, поймешь, в общем. И помедленнее кружи, сбавь скорость, – сказал Кузнечко водителю и полностью открыл окно автомобиля, чтобы составить впечатление о райцентре.

Впечатление было не самым приятным. Нет, конечно, хватало покосившихся развалюх, убогих, по столичным меркам, ларьков типа «Райпо» с безумно аляповатыми безвкусными вывесками, облезлых фасадов и грязных заборов. Но в этой ожидаемой провинциальной убогости то там, то сям в глаза бросались яркими пятнами то новые тротуары, то вполне московская детская площадка, то с новеньким фасадом и окнами школа, то аккуратные новые скамейки в аллее и, к сожалению, в основном сносное, а кое-где, прямо скажем, свежее дорожное покрытие. «Ну, ничего, ничего... – отметил про себя Кузнечко как бы в ответ на зримые островки успеха. – Хорошие изменения местный глаз быстро замыливает, а проблем всегда куда больше достижений. Значит, будем делать ставку исключительно на коррупцию, это ж сколько объектов для распила подрядов!»

Зато буквально через десять минут будущий кандидат с удовлетворением отметил для себя важнейшее обстоятельство: большинство взрослых людей на улицах были красноваты, кривоваты и сумбурны в передвижениях, а в трех или четырех местах кучками откровенно орали песни, активно размахивая руками и периодически обнимаясь. «Вот! Бухает провинция! Власть спаивает исконные русские земли, и ведь наверняка сивухой в каждом дворе торгуют! Это в рабочее время причем, значит что? Безработица, отсутствие инвестиций! Да можно хоть завтра, не выезжая из этой захолустной Паракорочки, замострячить целую газету и не сомневаться, что попадешь в точку! А поскольку в этом регионе критику власти издают минимально – проблему моей узнаваемости мы решим достаточно быстро. Так, ну и старый добрый вариант с нормальной водкой в день голосования пока не откидываем, потенциал для такого шага здесь, похоже, богатый!»

Кузнечко тайно гордился своим умением с полувзгляда увидеть всю ситуацию целиком, включая возможности управления этой ситуацией на будущее. И чаще всего он не ошибался,

а действительно подкидывал клиенту интересные темы. «Нужен надежный человек, чтобы уже сейчас занялся подготовкой и раскруткой материалов!» – подумал Кузнечко и вышел из машины около невзрачного, но зато в яркой цветочной клумбе памятника Ленину, что стоял аккуратно перед зданием Городской Администрации.

Кузнечко взял свой тугой портфельчик, снова прокрутил в голове еще в Москве продуманный план, настроился работать «по ситуевине» и уверенной походкой, насвистывая, вошел в здание. Безошибочно ориентируясь в коридорах власти, он, как полагается, на верхнем этаже (вот интересно, почему у нас главные начальники в здании всегда на верхнем этаже?) быстро нашел дверь с табличкой «Приемная» и открыл ее. Подмигнул секретарше со словами: «Я к шефу, и ни кого к нам не пускать, красавица!» Растерявшаяся помощница не успела сказать даже слова в ответ, как Кузнечко уже закрывал за собой дверь кабинета с табличкой «Петр Ильич Музыкин. Глава городского поселения».

В кабинете за столом для совещаний сидело трое. Кузнечко ухватил взглядом молниеносное движение руки по столу одного из людей. Заметив среди чайной посуды несколько бокалов и кружочки колбасы на блюде, будущий губернатор понял, что здесь происходит тоже самое, что на улице, но в более кулуарной обстановке. Кабинет, надо сказать, был бедный, но чистый. В глаза бросалось только современное кожаное начальственное кресло за старым советским лакированным столом и огромный вышитый герб Паракорочки с датой основания прямо под двумя (что подчеркивало предусмотрительность хозяина кабинета) портретами бывшего и нынешнего Президента. Весь этот осмотр и выводы пронеслись в голове у Кузнечко, как всегда, за доли секунды. Не давая опомниться огорошенным мужчинам за столом, он сразу приступил к главному:

– Мне нужен Петр Ильич, желательно с глазу на глаз. Зовут меня Кузнечко Василий Сергеевич, я к вам из Москвы по государственным делам.

Один из мужчин поднялся, указал глазами на дверь коллегам – последние тут же почти бесшумно, словно облизывая стол, стулья и самого Кузнечко, просочились к выходу и исчезли за дверью.

– Это мои замы, решали тут вопросы, – сказал поставленным, властным, привыкшим командовать голосом Музыкин, – присаживайтесь. Музыкин обреченной походкой прошел от стола заседаний в свое модное кресло, указал Кузнечко рукой на стул перед выдавшим виды начальствующим столом.

Глава города не показывал ни малейшего страха перед неожиданным посетителем, скорее угрюмое понимание того, что перед ним не какой-то частный бизнесмен или землевладелец, что могло бы стать хоть чем-то интересным для него лично и города, а именно товарищ с портфелем по «государственным делам». Это был невысокий, жилистый мужик с шикарными густыми, с проседью усами. Загорелые, узловатые, с грязными ногтями руки говорили о том, что человек как минимум имеет огород и знает, что такое рабочий инструмент. Волевые выпирающие скулы и спокойный взгляд серых глаз выдавали в нем большой жизненный опыт, кулацкую хитринку и что-то там еще, ускользающее от понимания Кузнечко. В любом случае на мелкого воришку с нищим бюджетом и алкогольной зависимостью мужик был похож меньше всего, компромата на него в особой папочке Василия Сергеевича не было, поэтому говорить с ним следовало максимально откровенно. И доверительно. «Доверительно, доверительно... как же эту морду кулацкую расположить-то так сразу?» – пульсировала в голове мысль.

– Петр Ильич, на самом деле у меня к вам дело, деловое предложение. Давайте я в двух словах сначала расскажу про себя...

Затем Кузнечко скромно, но очень весомо и убедительно рассказал о себе, не забывая называть всем известные в стране фамилии и организации. Для подкрепления своих слов он дал в руки главе для изучения несколько своих корочек: помощника депутата ГосДумы, члена Общественного Совета ветеранов Москвы и удостоверение советника одного из губернаторов

далекого от нашей провинции края. Смысл его рассказа заключался только в одном: я серьезный человек большого полета по всем предвыборным делам и финансовому лоббизму, открытый, готовый разговаривать и никогда всякую чепуху не предлагаю. Закончил он свой короткий спич так:

– В общем, Петр Ильич, если мы с вами договоримся, я могу сделать вас известной персоной в московской прессе, например, по ходу предстоящих в регионе губернаторских выборов. Также в случае удачного сотрудничества я гарантирую вам как минимум быстрое продвижение на областной олимп власти в той роли, которую вы сочтете для себя самой интересной, ну, замгубернатора, например, почему бы и нет? Или депутатом областной Думы?

– Эх, мил человек, нашел, кому радужные картинки рисовать! – все еще с подозрением ответил глава. – Нас и тут неплохо содержат, да и не молод я прыгать-то по карьерам. Были бы гроши в кармане, да с главой района поменьше собачится, да чтобы Витька Клюка заткнулся бы до самого своего отпевания, так и не надо ничего больше...

Это был ключевой момент, Кузнечко мысленно высокомерно улыбнулся. Затем буквально за 15 минут он выяснил, что райцентр – это главный помощник главы района на всех выборах, а субсидий от района не дожدهшься, что Витька Клюка – личный враг, депутат городской Думы, который имеет в районе свой интернет-сайт, такой же поганый, как и он сам, пользуется, негодяй, покровительством областной оппозиции и пьет кровь главе каждую сессию. И вот недавно как раз оскорбил на свою голову даже не его, главу, а все население и память, витиевато доказав в своих статейках, что советские партизаны во время войны в их районе имели как минимум 24 случая грабежа местного паракорского населения.

Слегка поддакивая, показывая свое участие уточняющими вопросами и вообще всячески создавая в кабинете атмосферу солидарности, Кузнечко пообещал за два-три дня решить вопрос с Клюкой и главой района. Настало время перейти к делу. Интуитивно чувствуя, что этот симпатичный москвич вот-вот начнет говорить собственно о том, ради чего явился, глава вдруг резко переменял весь ход беседы. – Мил человек, как там тебя, Василий Сергеич, если ты русский мужик, хоть и московский, да, глядишь, может, и вправду чем поможешь, так давай взбрызнем это дело! Иль откажешь? А иначе, какая откровенность и доверие? Может, у тебя там в портфеле диктофон какой? А выпимший человек, коли зло имеет, обязательно проболтается, не зря у нас говорят, что у трезвого на уме... Ну? Попробуешь амброзии?

Кузнечко с готовностью встал и потер руки, всем видом показывая радость, хотя внутри поморщился: и пить-то он не очень любил, а бурду всякую провинциальную не только не любил, но и, прямо скажем, опасался. Но чего не сделаешь ради большого проекта.

Они перешли за стол заседаний, уселись друг против друга, разделенные вдруг появившимся графином с бордовой жидкостью, блюдцем с толсто нарезанной колбасой и тарелкой хлеба.

– А выпить у вас тут, как я посмотрю, любят, весь город пьяный в рабочее время, Петр Ильич! Понятно, не в ваших силах, безработица! – сказал Кузнечко, глядя, как Глава разливает жидкость по стаканам. – Мне не полный, хорош, хорош...

Глава в предвкушении живительной дозы искренне и патриотично по отношению к своей малой Родине возразил:

– Василий Сергеич, да тракториста не найти, на большую зарплату, между прочим, сварщика из соседнего Пустозерска привозил! Поуждала молодежь в столицы, работать некому, а работы что брусники на болоте, работай не хочу! Любят выпить, конечно! Но только по особым случаям, у нас тут строго, я даже Товарищеский суд возродил во всех муниципальных предприятиях, ежели кто этого дела хлебнет на работе или с похмелюги прогул совершит – сразу меры принимаем и чтобы ни-ни! Ну, чокнемся...

– Так, а сегодня что за праздник? – спросил Кузнечко, цокая языком от совершенно прекрасного, душистого напитка и пытаясь вспомнить вкус. – Б-а-а, Петр Ильич! Да я такой

портвейн еще на втором курсе покупал через знакомую продавщицу в гастрономе! С тех пор и не встречал нигде! Где ж вы взяли такое чудо?

– В-о-о-от! Как можно не пить такой нектар народу, да еще когда на халяву! – Глава понизил голос, наклонился к гостю и продолжил: – У нас тут ликеро-водочный завод был в советское время, портвейн разливали. Как и все заводы, после перестройки его того, загубили в хлам, может, видели на въезде – по правой стороне развалины торчат! В-о-о-от, все, что можно было оттуда свинтить – давно посвинтили. А тут вспомнили мужички наши, решили еще прочесать развалины на предмет металлического лома, перекупщикам толкнуть, да нашли... железнодорож-ну-ю ци-стер-ну! Глядь, а она полнехонька, пей не хочу, то бишь больше двадцати лет закупоренная и простояла! Вот как бывает! Ну, я, конечно, пытался это дело контролировать, да где уж там! Все тихо и незаметно разлетелось по частным канистрам земляков всего района, мне вон аж две фляги притаранили, уважают. И я тебе скажу, мил человек, бесполезно от такой амброзии людей ограждать, все равно пока не выпьют – не успокоятся, а вот ежели через колено, с цистерной этой, то не только губернаторские выборы, вообще можно сразу в отставку подавать, не будет жизни... Давай еще по бокальчику...

Кузнечко решил переходить к делу, пока после киношной ведьмы на дороге, беспризорной цистерны с советским портвейном, он совсем не утонул в провинциальной экзотике, да и сильно хмелеть очень уж ему не хотелось:

– А много ли, уважаемый Петр Ильич, из числа депутатов ваши люди? Надежные люди, которые выполняют вашу просьбу в том или ином рабочем вопросе?

– Да все, Василий Сергеевич! Все восемнадцать мои, кроме Клюки, чтоб ему пусто было, я ж уже лет пятнадцать на выборы хожу и своих вожу, те, кто были не мои – давно уже и не депутаты, хе-хе! Токо одним кулаком, иначе бардак и развал, как вот до меня еще было.

– Хм, то есть восемнадцать из девятнадцати депутатов от партии власти? – уточнил Кузнечко.

– Зачем все? – обиделся глава. – Что мы не понимаем про демократию и линию партии, что ли! Всякие депутаты есть, всех партий и даже два общественника, счас же модно общественников... Но все мои, все. А в чем вопрос-то? – Дело совершенно пустяцкое, но важное! Смотрите, Петр Ильич, скоро выборы губернатора. Сейчас побегут подписи депутатов собирать, чтобы получить право выдвинутся кандидатом в губернаторы. Я – тоже пойду, сам, с Москвой все согласовано, мне нужны пять подписей ваших депутатов, всего пять...

– Постой, мил человек, – возразил глава, изменившись в лице так, что, казалось, кончики его бравых усов грустно повисли вниз. – Меня лично действующий губер более-менее устраивает, и вообще вся Паракорочка за него проголосует, как я чую, процентов на семьдесят точно! Зачем ты меня, мил человек, под монастырь подводишь и перед главой района, и перед самим губернатором?!

– Петр Ильич! Дослушайте! Я ж все понимаю, я ж не враг, и никакого желания подводить вас – нет! Нет! Глядите! Вы даете пятерым вашим депутатам команду отдать подписи за выдвижение Кузнечко, то есть меня, так? Самым разгильдьям, или неграмотным, можно из разных партий и даже ваших этих «общественников». Они потом говорят, что не разобрались или запутались в этой карусели с подписями и все! Вы в крайнем случае пальцем им погрозите, когда область вопрос задаст. Так и то не задаст! Глядите, у действующего губернатора подписи будут – раз плюнуть, депутатов от партии власти у вас на четырех кандидатов в губернаторы хватит! И голосуйте за него сколько хотите!

Что касается ваших оппозиционных партий – им своих мандатов не хватит, значит, в соответствии с установкой Москвы на демократию и конкурентность – партия власти сама лично, как миленькая, будет помогать собирать подписи минимум, по моим прикидкам, трем вашим оппозиционным партиям. То есть оппозиция вообще не будет заморачиваться, за нее подписи соберут и на блюдечке принесут в Избирком. Понимаешь? Ты никого не подводишь,

свою подпись ставишь за кого тебе скажут, при этом и мне помогаешь, и помогаешь своему пока еще губернатору в выполнении установок Москвы, а плюсом еще и это...

Кузнечко положил портфель перед собой, ловко дернул молнию и достал стопку новеньких тысячных купюр и после небольшой паузы, убедившись, что глава на взгляд прикинул количество купюр, прикрыл деньги листком бумаги, на котором было напечатано «Расписка в получении пожертвований» и мелким шрифтом текст с пропусками для вписывания собственноручно.

– Никто в вашей провинции за подписи предлагать ничего не будет, это ты сам понимаешь. Я вхожу в твоё положение, ты – в моё, и эта расписка, моя маленькая гарантия, для тебя – тьфу! Скажешь, что развел столичного лоха на новый спортгородок или инвентарь для Дома Культуры! Я не прошу тебя становиться предателем, это святое и непоколебимое для русского главы города, но при этом ты получаешь возможность сделать доброе дело для человека! Со всеми, со всеми перспективами помимо вот этого, – Кузнечко кивнул на бугорок купюр под распиской...

Настроение было прекрасным! Кузнечко вдохнул свежий майский воздух на крыльце администрации, протянул тут же стоявшему водителю Петровичу бумагу с фамилиями депутатов: «Продиктуешь юристу, как договорились, пусть выезжает, время – деньги!» Подошел к машине, стянул с себя одной рукой модный итальянский галстук, другой положил свой упругий портфель под переднее сидение, закрыл дверь джипа снаружи и, сунув руки в карманы, двинулся пешком по тротуару центральной улицы Паракорочки. «Петрович, я продышусь, разомну свои затекшие члены и сделаю пару звонков. Езжай поблизости, не оставляй машину, а то ты своим угрюмым бандитским видом скомпрометируешь будущего губернатора в глазах паракорочек, или паракоровцев... Или паракоровчан?»

Весело засмеявшись, продвинутый политконсультант Кузнечко с мыслями о том, что это не просто начало красивой схемы его вхождения в большое кресло, но и сенсация, политтехнологическое хулиганство, издевательство над той общественной системой, которую он сам же столько лет цементировал и сам же теперь, очень тонко, без войны и скандалов повергнет в пучину удивления. С первыми длинными гудками на той стороне невидимого провода он успел мысленно добавить к цепочке размышлений: «Я вам покажу демократию с конкуренцией»...

– Алло! Турист? Ты мне нужен, есть работа! Где ты находишься? Это прекрасно! Ехать не так уж и далеко, выдвигайся... Опять нет денег? Что у тебя вечно нет денег? Какие бандеровцы? В милиции или в музее? А, пока в музее... ну перекантуйся чуток, вечером пошлю Петровича за тобой. Ты не меняешься, короче, без приключений никак! Приедешь уже с авансом в кармане, первые задачи скину на почту, считаешь в дороге! Чего ты вообще в Питер поперся? Какая девушка? А, ты до сих пор с ней только по интернету общался? Ну, ты клоун! Вернее в женском деле клоун, не обижайся, Вань! Найдешь, где переночевать? Все, телефон Петровича сейчас скину, это водитель и охранник в одном лице, он быстрый. Все. До встречи, Турист, очень нужен мне лично, не пропадай никуда, жду!

Все было по плану, дешевле, чем он опасался, при этом без бань, девок, гармошки и вонючей самогонки, которая не только в провинции, но и в столицах хоть и становится куда престижнее всяческих импортных напитков как здоровый продукт, но всегда вызывала у Кузнечко отвращение.

Даже если треть держателей депутатских душ из того списка, который он наметил, упадут под его расписочки – все будет прекрасно и с хорошим запасом на всякий случай. Очень нужно теперь, параллельно, буквально за месяц накачать свое присутствие в регионе проблемами для действующей власти, тогда это автоматически поднимет его рейтинг узнаваемости до официального старта кампании и увеличит цену «мирной договоренности» за снятие, а это уже совсем другая цена в отличие от несчастной стопочки купюр в кабинете главы! «Опреде-

ленно, выборы – самый выгодный грех человечества!» – пошутил про себя прожженный Кузнечко и... влюбился...

Недалеко от Кузнечко стояла прекрасная, совершенно свободная в движениях, звонко смеющаяся, с потрясающей улыбкой и лучистыми синими глазами молодая женщина! Ее золотисто-рыжие волосы, подстриженные «под каре», слегка развивались на майском ветерке, открывая нежную лебединую шею. Сильные длинные ноги, красивая грудь, узкие, но женственные под тонкой талией бедра, и просто какое-то потрясающее свечение вокруг. В груди Кузнечко все застучало и занью, взыграло как когда-то очень-очень давно, наверное, еще школьной весной, и больше никогда не являлось в его хлопотной жизни. Конечно, у него было много женщин и даже пара гражданских жен года по три каждая, но к противоположному полу он совершенно искренне относился со всей профессиональной циничностью, как к некой регулярной форме собственного комфорта.

Кузнечко, как мог, взял себя в руки, попытался отдышаться. Девушка весело щебетала с определенно местными, неряшливо, на его взгляд, одетыми парнями. Будущий губернатор попытался вернуть себя в привычное состояние циничного инженера человеческих душ и мимолетом проанализировал внешний вид Богини. По одежде, дорогому маникюру, цвету и состоянию кожи, легкой косметике, стильной, но неброской облегающей одежде – он вполне мог бы ее встретить где-нибудь в Праге, Лондоне, на Мальдивах или в лучших московских ресторанах. В то же время по манере держаться, жестам, какой-то необъяснимой ауре – она совершенно не походила на столичную штучку или разбогатевшую на каком-нибудь богатеньком папике провинциалку. Да и парни эти, судя по их общению, наверняка местные одноклассники из детства красавицы...

– Зенки лопнут, чего пялишься? – вдруг вернул Кузнечко на землю резкий голос одного из парней.

– Успокойтесь, юноша, не вы же здесь девушка, не на вас смотрю, – совершенно уверенно сказал Кузнечко с интонацией, с которой говорят привыкшие властвовать люди или которые никогда, по крайней мере очень давно, не получали в ухо на улице. Он сделал несколько шагов к девушке и совершенно неожиданно для всего своего жизненного опыта сказал: – Милая девушка, простите меня ради Бога, вас, кажется, зовут Ирина, как я услышал? Я хочу сказать, только не смейтесь, что я люблю вас... Что я несу... Сразу полюбил, вернее... Не поймите превратно только! Выходите за меня замуж! Меня Василием зовут... Как вам сказать... Подождите! Не прогоняйте только...

Ирина внимательно своими огромными лучистыми глазами посмотрела на Кузнечко. Причем она даже не окинула его всего взглядом, совершенно точно не обратила внимания, как это обычно делают столичные красотки, ни на шикарный итальянский костюм, дорогие запонки, небрежно расстегнутую на шее дорогую сорочку, ни на ультрамодные, буквально вчера из московского бутика, туфли Кузнечко, а просто с любопытством посмотрела в глаза. Василий был непривычно смущен и даже растерян, но отвести свой взгляд от этих синих лучистых глаз не мог. Через секунду ее любопытство снова сменилось безбрежной весенней веселостью – и Кузнечко понял, что сейчас раздастся веселый колокольчик смеха и озорных улыбок. Но раздался удар. Не в ухо, а прямо в челюсть Кузнечко.

Понятно, в принципе: посторонний для городка, внешне классово чуждый пижон, да еще при любимой Ирке так, походя, подколол нормального парня чуть не в собственном огороде.

Кузнечко устоял, хотя все закачалось перед глазами, инстинктивно дернул рукой, запоздало прикрываясь, краем глаза увидел сильную клешню второго парня у себя на ладони и в ту же секунду вдруг – большую черную кожаную спину Петровича между собой и парнями. Посыпались удары, какие-то резкие и громкие слова, закрутился водоворот движений и возни вокруг.

На самом деле вся драка заняла меньше времени, чем ее описание, так как Богиня – как теперь мысленно всегда будет называть ее Кузнечко – громко вскрикнула и скомандовала «Брейк!», лично бросившись разнимать бойцов.

Кузнечко успел прийти в себя и громко сказал, опасаясь за юридические и политические последствия инцидента:

– Петрович, стоп! Не трогай их!

– Ниче себе, не трогай, – тяжело сопя, прорычал Петрович. – Кулаки как монтажки, не стрелять же их...

– Попробовай стрельни! – тяжело дыша и вытирая кровь под разбитым носом, ответил зачинщик драки. – Дроби в задницу ни разу не получал дулетом? Козлы, блин...

– Мальчики, чтобы я вас через три секунды здесь не видела, завтра созвонимся, – сказала с железными нотками в голосе Ирина, подходя к Кузнечко и протягивая ему свой платок. – Простите, ради Бога, это я виновата! Только милицию не вызывайте, пожалуйста, эти охламоны со школы такие, но они хорошие люди, правда! Простите их, пожалуйста!

Кузнечко от близкого расстояния и голоса Богини снова почувствовал себя на седьмом небе. А когда она предложила зайти в кафе за углом умыться, привести себя в порядок и выпить чашечку чая – он испытал счастье, несравнимое ни с каким другими видами счастья: от доступной женщины, большого гонорара или от блестящей победы на трудных выборах. Собственно, других видов счастья Василий Кузнечко и не помнил в своей жизни, разве что теплые материнские руки, и то очень смутно.

О чем конкретно они разговаривали в кафе история умалчивает. Богиня часто смеялась, с искренним интересом задавала Кузнечко уточняющие вопросы по ходу его многочисленных рассказов из жизни столичной тусовки. Кузнечко был счастлив, тоже смеялся и размахивал руками, чувствуя себя совершенно свободным и счастливым человеком в маленьком провинциальном кафе. Единственное от чего категорически отшучивалась Ирина – это серьезные темы о том, с чего, собственно, Кузнечко и начал свое знакомство.

Одна фраза Богини, которая доподлинно известна с того вечера – это как раз очередная попытка отшутиться от серьезного, впервые в жизни наполненного благородной страстью Кузнечко: «Да какая свадьба! Вы знаете, уважаемый москвич Василий, мне еще в восьмом классе одна бабулечка на улице нагадала, что стану я женой не меньше, чем настоящего Героя, или какого губернатора, или даже генерала! Вот поэтому, наверное, и засиделась в девках до такого возраста!»

Конечно, в такой атмосфере и состоянии Кузнечко юмора не уловил, а сидел как громом пораженный от услышанного! Приехать в провинцию с целью стать губернатором и в первый же день начать верить в любовь и судьбу, которая словно укрепляла его в планах и усиливала любовью как атомной энергетической установкой – это, кхм, не только странно, это совершенно гремучая смесь для головы политконсультанта, считавшего себя чуть ли не ловцом и управителем душ тысяч обывателей. Он и так был запредельно настроен на борьбу, теперь же чувствовал, что способен перевернуть землю, стать не только губернатором, но кем угодно, если этого пожелает Богиня. После такого совпадения Кузнечко готов был немедленно сражаться за власть, ему очень хотелось как можно скорее скинуть с себя тесный хитин технолога, эксперта и вообще вспомогательного, пусть и с известным люфтом безответственности, субъекта, стать героем и царем, стать достойным своей Богини.

Провожать Ирину не довелось. Она как дама обеспеченная села за руль своего авто, подаренного ее родителем, одним из самых серьезных людей во всей Провинции, и, весело помахав ему рукой, исчезла в сумерках вечера. «Хорошая тачка», – подумал Кузнечко и направился к скучающему в джипе Петровичу:

– Петрович, меня в гостиницу, здесь останусь, дела еще есть, а ты езжай-ка в Питер, привези мне Туриста, вот его телефон, дай ему вот эту сумму... И давай поскорее! Да, покорми

его где-нибудь на трассе, что ли, наверняка оголодал со своими приключениями. По дороге пусть сидит в Интернете и работает по моему ТэЗэ, завтра будет докладывать свои соображения, предупреди его, времени нет...

* * *

Турист отключил телефон, продолжая стоять у загадочной картины в галерее Михайловского замка. Звонок старого товарища Кузнечко вывел его сумрачного, пограничного состояния сознания, которое он так любил, поскольку именно в таком состоянии в его голове рождались новые идеи и обретали ясность многие мучавшие его периодически вопросы мироздания. Турист тихо вздохнул, прямо почувствовав, как окружающее пространство перестало быть таинственным и наполненным чем-то особенным и важным. Зато вспомнил, что ничего не ел, что в карманах нет денег, не во что переодеться, некуда идти и какой-то там неизвестный Петрович приедет за ним только завтра, только под утро в лучшем случае. С такими мыслями он уныло побрел искать гардероб. На всякий случай еще раз оглянулся на картину: никто на него не смотрел и даже Тихвинская икона, на его теперешний взгляд, оказалась на творении старинного художника не такой яркой, как показалось вначале.

В совершенно пустом гардеробе одиноко висела все еще влажная куртка Туриста. Иван медленно снял ее с вешалки, думая, чем занять себя и куда пойти. Решение пришло как всегда неожиданное и правильное. Чем смотреть в витрины кафе на жующих и пьющих петербуржцев да туристов и мерзнуть в невской сырости, проще остаться здесь. Он оглянулся по сторонам, быстро юркнул под панель гардеробной стойки и забился под полку для ручной клади посетителей. Здесь было, в принципе, тепло и сухо, и, несмотря на урчащий от голода желудок, Турист заснул крепким молодым сном.

Проснулся Ежихин от жуткого голода и от того, что попытался во сне повернуться с весьма затекшей на твердом паркете спины на бок и, естественно, треснулся головой о стенку гардеробной стойки. Замер, моментально вспомнив, где находится, и вслушался в дворцовую тишину. Никого не было, тишина была абсолютной, и даже уличные звуки большого города не проникали в помещение. «Ну, и хорошо, – подумал Турист, посмотрев на часы телефона. – Первый час ночи! Это ж сколько еще голодать до утра! Интересно, есть здесь всякие лучи, детекторы движения и прочие хитроумные сигнализации? Даже если есть, то в залах, а не в гардеробе же!» Тем не менее, несмотря на свою уверенность, Турист осторожно выбрался из своего убежища и на четырех точках, медленно направился туда, где ориентировочно находился холодильник доброй буфетчицы. «Клянусь, что все верну этой славной женщине! Клянусь! Лишь бы холодильник не оказался пустым!» – думал, смешно вихляя по коридору на карачках, словно старый неподкованный мерин, Турист.

Жадно пережевывая холодные гамбургеры и запивая их какой-то подозрительной, выдохшейся газировкой, Иван Ежихин обдумывал свое положение. Как такое могло произойти, что его, в принципе, безобидного приличного человека – повязали и чуть не бросили за решетку с какими-то нелепыми подозрениями.

А началось все в экспрессе «Москва – Санкт-Петербург». Вернее, даже не с этого, а с того, что его давняя подруга, которую он стеснительно обожал, ни разу не видел в живую, написала ему, что поедет прогуляться по весеннему Питеру, и наконец-то, появилась возможность познакомиться по-настоящему. Иван снял с карточки все свои запасы денег, купил дорогой ювелирный подарок, билеты на поезд и помчался в Питер. А в вагоне его соседями оказались два очень приличных, интеллигентных человека Арни и Серж, которые возвращались с вечера встречи институтских друзей позднесоветского года выпуска. Арни был прибалтом, Серж украинцем, Ваня – политтехнологом. В такой компании не могла не вспыхнуть долгая и яркая экспертная дискуссия о том, что происходило в Украине.

Через какое-то время, Ежихин понял, что ему так мягонько, интеллигентно, с легкой высокомерной иронией объясняют, какой он и ему подобные россияне быдло и оккупанты в сравнении с продвинутой Европой, Прибалтикой и Украиной. Вдвоем на одного. Вот этого Иван с детства не любил природным своим и на удивление сохранившимся, несмотря на годы, чувством справедливости. Поумничать там на птичьем языке, в пух и прах дискредитировать вражеского кандидата на выборах, манипулировать общественным мнением в политической драке – это пожалуйста, на войне как войне, все равны, демократия и все такое. Но когда в его лице унижали страну, или даже не в его лице, а просто, когда его народ, историю, традиции мазали черной краской и выставляли виноватым перед всем миром – в Ежихине просыпалось темное генетическое имперское подсознание. И никакая его европейская, по сути и духу, образованность, никакой социальный опыт и его личные романтические идеалы демократии не могли противостоять этим могучим архетипам. Это все равно, что болеть против сборной России по хоккею, кем бы ты ни был и чем бы ни занимался – нельзя. Вот войдя как раз в такое состояние в поезде, Турист прекратил любезничать и очень жестко перевел игривую интеллектуальную дискуссию в жесткое русло:

– А ну-ка, хлопцы, достали планшеты, залезли в свои википедии и форумы и хоть одно доказательство в студию, что русские солдаты рубили украинских, польских, эстонских, немецких детей топорами, разбивали их головки об угол дома, прикалывали вилами к забору, вешали на колючей проволоке гроздьями вокруг деревьев и сжигали живьем? Хоть один факт! Слабо? – холодно, медленно с прищуром проговорил Ежихин.

Повисла неловкая пауза, собеседники переглянулись, смутились – то ли от неожиданно резкого тона попутчика, то ли от того, что понимали: Интернет ответить на вопрос не поможет.

– Вот только не надо сейчас парировать «миллионом изнасилованных немок», «дискурсивными практиками» или еще как-то пудрить мозги, как вы это всегда делаете. Ответьте на конкретный вопрос! – Ежихин собрался в комок, наклонился вперед и, больше не давая вставить ни слова в ответ, продолжил: – Может, вы мне расскажете о фактах детской работорговли караванами финских младенцев? Или о столетних поставках с невольничьих рынков Москвы в Геную и Венецию маленьких турецких девочек, захваченных в Османской империи? Или, может, вы знаете о чудовищных медицинских экспериментах красноармейцев над японскими, монгольскими и китайскими детишками? А хотите я вам сейчас с фотографиями, до самого вокзала, медленно, чтобы ваши хитрые и подлые головы до конца жизни запомнили, буду рассказывать и показывать все, что делали с детьми моей страны цивилизованные европейцы и прочие древние культурные нации? Хотите? А если ваши борцы за «незалежную Крайну» делали это, то разве стоит вся ваша вонючая бандеровская незалежность хоть одного трупика младенца, которого на глазах у матери взяли за ножку и размозжили головку об угол собственного дома! Все ваши «дискурсы» и «ментальная комплементарность» не стоят одного уголька Хатыни, и прикрывать организованный садизм чем угодно – обыкновенная подлость вечных искренних шлюх и добровольных рабов!

Разговор, в общем, на этом и остановился, интеллигентные однокурсники по институту встали, ушли в конец вагона и стали о чем-то шептаться. Потом Серж ушел в другой вагон и через какое-то время вернулся с хитрой довольной мордой. «Выпил, наверное, с нервишек», – подумал тогда Турист. А на вокзале, не успев даже выйти с перрона, к нему подошли два человека в форме, один встал чуть за спиной, второй попросил документы и предложил пройти во-о-он в то здание.

Теперь, находясь ночью под стойкой музейного буфета и жуя холодный гамбургер с кислой газировкой, Турист понял, что этот бандеровец чего-нибудь наплел про него милиции, может, даже террористом представил, а те и отработали сигнал. Надо было не бежать! Нет ведь! Он по своей обычной дурости и в предвкушении встречи с девушкой сначала подумал, что на перроне все равно никто стрелять не будет. Потом весело так представилось, как он рассказы-

вает подруге, как лихо убежал от милиции, потом действительно рванул вбок и вперед, показав такой спринт, что и сам не ожидал. Правда, когда Ваня увидел бегущих наперерез сотрудников чуть не из каждого угла вокзальной площади и со всех перронов, он понял, что поступил опрометчиво. Его пару раз чуть не схватили, своей фигурой весеннего лося он кого-то сбил с ног. Документы с банковской картой в паспорте остались у сотрудника милиции, небольшую спортивную сумку с ювелирным подарком, зарядкой для телефона и вещами он потерял, зацепив за какую-то стойку, разбил колено и каким-то дурацким, нелепым образом перелез через строительный забор и скрылся. До утра просидел под листом железа, слушая вой сирен и шум дождя, а утром тихонько, тихонько, держась в толпе, начал продвигаться в сторону центра...

Потом вспомнился Петропавловский собор, странное чувство, открытая золотая калитка у саркофага...

«Ох, блин! – вдруг подумал Турист. – Турист я или не Турист! Раз в спальне, где убили Павла, идет ремонт, значит, как раз сейчас туда можно попасть!»

Он деловито, аккуратно сложил обертки гамбургеров и пустую бутылку обратно в холодильник, взял с прилавка авторучку, написал благодарственную записку буфетчице с обещанием все вернуть в двойном размере, встал на карачки и медленно направился в сторону лестницы на второй этаж.

Проползая в бледном свете ночной иллюминации большого города мимо дворцовых окон, мимо знакомой уже стойки с объявлением о закрытом проходе и ремонте, Ежихин нечаянно громко икнул и замер в испуге. Трели сигнализации не последовало. Он еще постоял на четырех точках, прислушиваясь, поднял из своей лошадиной позы голову вверх... и одновременно с поднимающимися на затылке волосами увидел, как медленно и бесшумно перед ним открываются двери спальни Императора.

Из покоев лился мягкий желто-оранжевый свет. Ежихин почему-то не испугался, но как-то оцепенел, впал в прострацию, и даже нормальных мыслей, о которых можно было бы написать, в этот момент в его голове совершенно не было. Ступор. Вдруг из спальни раздался властный, энергичный голос:

– Милостивый государь, давайте уже без ваших шоков, умилений и страхов! Проходите-с, и не стойте в таком смешном положении, словно бусурманин какой в экваториальных широтах! Встаньте и заходите, право слово! У нас с вами еще утром произошел любовный контакт, не стройте же из себя впечатлительную фрейлину!

Ваня подскочил, вытянулся как перед каким-то страшным испытанием и по-прежнему с полным сумбуром в голове вошел в дворцовую спальню.

Спальня была совершенно жилая и старинная, освещалась свечами в каких-то музейных подсвечниках, кровать в белье, зеркала, картины, разбросанные вещи – в общем, как очень крутой номер «под старину» в очень крутой гостинице. Но главное, по комнате взад-вперед ходил человек в парике, белой ночной рубашке до пят, рваной и измазанной огромными пятнами крови со стороны груди. Павел остановился и резко повернул голову в сторону гостя. Перехватил взгляд его округлившихся от удивления, испуганных глаз и сказал:

– Да, да, забыл. Про парик не забыл, а про пятна крови даже и не подумал. Прошу прощения, сударь.

Император резкими шагами подошел к огромному, в белье и подушках ложу и взял камзол. Надел, поправил на груди, чтобы кровавые пятна не бросались в глаза, и медленно повернулся к Ежихину.

«Копия! Как на картинах! – впервые пробежала более-менее связанная мысль в голове Туриста, одновременно его начало трясти точно так же, как это впервые произошло в Петропавловском соборе. – Какая копия! Это Император! Покойник! Приведение!»

Замешательство в доли секунды – и Иван Ежихин в благоговейном трепете, по непонятным для него самым причинам рухнул на колени. Пока еще колени не громынули о паркет,

в голове успела проскочить мысль о каком-то чудовищном розыгрыше из серии «Улыбнитесь, вас снимает скрытая камера», но тут же исчезла, потому как где-то в глубине души он чувствовал – все это, пусть совершенно безумная, но правда.

– Вставайте и проходите, я имею небольшой разговор к вам, и уж определенно не в моей власти сделать вам что-то злое! – услышал Ежихин уже гораздо более спокойный и, как показалось, довольный голос Павла.

– Я думал, что старинные цари как-то по-другому разговаривают, не по-нашему, по-древнеславянски или по-немецки-французски, – почему-то именно с этого начал разговор Турист, поднимаясь с колен. – Простите, Ваше Величество за ночное вторжение. Но, кстати, мне так гордо и так интересно за такое приключение! Ух-х-х, меня уже распирает от любопытства! Неужели с улицы освещенной комнаты во дворце не видно? Неужели я чем-то достоин такой чести – видеть самого Павла!!!

Ежихин уже пришел в себя и действительно всем телом дрожал от выплеска адреналина, захлебываясь от восторга, ужаса и таинственности происходящего. Такого приключения нельзя было даже вообразить себе еще час назад. Перед ним был самый несчастный Самодержец Всероссийский, которого, кстати, Ежихин давно уже пытался оправдать аж перед самим Кузнечко!

– Что вы! Ни в каком оправдании я не нуждаюсь, поверьте! У нас, вернее, у вас, совсем мало времени. И разговаривать я могу, уж поверьте, на любом наречии, диалекте и даже почти на любом профессиональном сленге. Насмотрелся и наслушался тут за два столетия, хоть по-французски, хоть по-научному, хоть как комиссар третьего ранга, который на пенсии долго работал здесь и любил разговаривать сам с собой. Впрочем, мы отвлеклись...

Павел опустил голову, прошел через всю комнату, встал у канделябра и, будто замерзнув, подержал ладони около горящих свечей.

– Мне весьма приятны ваши мысли и высказывания о моем царствовании, мне даже поначалу захотелось порасспрашивать вас. Но не надо только глупых сочувствий и жалких расспросов. Все-таки я император пропащий, оклеветанный. Нет в истории российской издевательств и анекдотов больше, чем анекдотов про меня. И глядя на мой любимый народ, я отдаю себе полный отчет, что этого исторического впечатления уже не переменить. Я и не хочу ни оправданий, ни мести. Достаточно с них моей мстительной выдумки с перезахоронением отца, когда на моих глазах каждый из его убийц через весь Петербург в обморочном состоянии плелся за истлевшим прахом моего родителя. Поэтому сразу отметем тему моего царствования и расправы со мной вот как раз на этом месте. Почему вы? Потому что, в отличие от редких ученых и искателей правды, вы в своей смешной, право, работе, думаете и ищите тоже, что искал и я. Секрет доброй и справедливой власти.

– Ага! – не выдержал Иван. – Желтый ящик для обратной связи? Это ваша технология, которой оказалось недостаточно, чтобы опереться на любящий вас народ!

– Глупости изрекаете, юноша! – Павел гневно остановил Ежихина. – Перебивать монарха, пусть даже давно почившего в бозе, недостойно и демократа! Дайте сказать! Я и сам пока не пойму, зачем мне нужно поделиться своими мыслями, надеюсь, я не ошибся с адресатом...

Ежихин замер. Павел еще несколько раз, слегка чеканя по-военному шаг и опустив в раздумьях голову на грудь, прошелся через всю спальню.

– Понимаете, милостивый государь, – было видно, как император даже как-то волнуется, что ли. – Я с самого детства, отстраненный от государственных дел матушкой моею, имел возможность предаваться любым занятиям, лучшими из коих были не столько военные вахтпаралы с верными гатчинцами и уж, конечно, не шпицрутены. Но прежде всего чтение и беседы с немногими близкими мне людьми о государстве, истории, великих царях и полководцах. Меня мучил своей несправедливостью окружающий мир. Убийцы отца – в почести и на свободе. Матушка, так искусно изображавшая из себя просвещенную императрицу, разоряла и угнетала

русский народ в угоду кучке дворянских пройдох и карьеристов, большинство из которых ее же и обворовывали, не моргнув глазом. И в какую бы империю или королевство я пристально не вглядывался – везде я видел то же самое: угнетение народа своего, фальшь, интриги, тщеславие, алчность и жестокость. Уже до воцарения я понял, что по-другому никогда и не бывало, даже в самых древних царствах. А я хотел по-другому. Жизнь народа я хотел сделать счастливой, помочь всем христианам объединиться в любви и не дать рабству, алчности и тщеславию править всем миром, что сейчас и творится на всей Земле. И вот мой главный вопрос самому себе: можно ли править, властвовать в христианской любви и с чистой совестью?

Пусть это звучит несколько романтично, но вы-то, сударь, меня должны понять. Свой ответ именно на этот вопрос, именно что после меня – тщетно пытался найти каждый мой потомок, каждый держатель русского престола: и Александры, и Николаи до самой гибели династии. Очень быстро мне стала ясна тщетность моей попытки. Законы земной власти – вне законов Христа, как бы земная власть ни была набожна.

Русскую власть никто не может понять: ни индус, ни европеец, ни собственный народ. Поэтому она всегда загадочна и мистична, будто бы кремлевская стена – это не крашенный кирпич, а волшебный занавес, который отделяет обычный мир от мира волшебного и таинственного. Поэтому русская власть или ужасна, или боготворима, но, как вы там говорите, не технологична, а значит, долго без потрясений существовать не может... Почему? Потому что природа любой человеческой власти – порочна и греховна, а искренние цели и стремления русской власти – идеальны и божественны. Да, да! Вы не поверите! Нигде в мире царские чиновники не собирали налог на выкуп угнанных басурманами детей из рабства, нигде! И нигде Иерусалим под стенами столицы не строили, и коммунизм, и суверенную демократию, то ли не чудо...

Только русская власть на полном серьезе ставит перед собой совершенно божественные задачи и абсолютно моральные цели! Но искреннее сосуществование этих крайностей на одном престоле, когда нет откровенного первенства одной: ни Гоморры вокруг трона, ни чуда Третьего Рима – это как врожденная предрасположенность к самоубийству.

Павел остановился, задумавшись. Ежихин, боясь даже кашлянуть, с нетерпением ждал продолжения и мучительно пытался угадать ход мыслей царя. Павел, внимательно взглянув на Ивана, снова зашагал по паркету и продолжил речь:

– Можно ли не совершая подлостей, хитростей и жестокостей, пусть даже ради самых благородных целей, получить и потом удержать власть? Я не построил ни одного заговора против матушки-императрицы, несмотря на естественные мотивы такого желания со стороны брошенного, униженного, лишенного отца и престола сына. После воцарения все мои указы были направлены на благо простого народа, во умножение христианской любви и упреждение сатанинской ереси.

Петербургской публике тогда было очень смешно, до сих пор экскурсоводы ехидничают. Но если посмотреть как раз из вашего мира, смешного-то мало! В Европе Христос уже мертв, в России – предан, и никакие тысячи золотых куполов не вернут святую веру в тысячи безбожных душ! Вы смеетесь над моими указами о запретах модных шляпок, причесок и бантов, но сегодня глупая Мода и яркие Зрелища сделали рабами миллионы миллионов, и подчиняет эта Мода людей куда сильнее, чем любой средневековый тиран. Вы смеетесь, что я послал казаков в Индию против Британской короны, а теперь тихо ненавидите американских англосаксов, поняв наконец-то, что России нет места в их англиском мире! Вы испепеляли меня насмешками, что я пытался примирить хотя бы в отечестве нашем католиков, православных и староверов! А теперь с содроганием наблюдаете на предсмертные судороги европейских приходов и монастырей, с тайным страхом глядите на каждого встречного магометанина на улице и с негодованием клеймите лжепатриархов на Украине! Да, сударь, вы сами, право, как редкое явление, почти обо всем этом догадались... Поверьте, я нисколько не возвеличиваю себя, я просто попытался ответить на свой главный вопрос. Как мог...

Иван был увлечен монологом императора, он словно впускал в себя каждую фразу и лихорадочно старался понять сказанное. Конечно, дело было не в желтом ящике, конечно, дело было не в угадывании им добрых и пророческих мотивов Павла Первого. Дело было в чем-то другом. И вдруг он понял: главное – это его собственный старый вопрос, навязчивая идея об особой, честной демократической формуле власти в России и непобедимой технологии политических побед. Только что сама эта его идея была жестоко сброшена с пьедестала. Он чувствовал, что все его придумки и размышления на том уровне, который задает своим монологом Павел – ничтожны. Они, действительно, упираются в неразрешимый оксюморон русской власти: ее одновременного искреннего мессианства и жестокой повседневности самосохранения. Оставалась одна зацепка, и, пользуясь повисшей паузой, он спросил:

– Если по-православному тяжело править, по-советскому долго не возможно, может, получится по-демократическому? Просто пока еще не прижились нормально все эти выборы.

Царь впервые посмотрел на Ежихина с искренним недоумением. Сделал к нему несколько шагов так, что Иван вновь невольно начал рассматривать кровавые пятна на белье между отворотами камзола.

– Знаете что, майн херц, скажу вам секрет Полишинеля: никакой демократии никогда не было, нет и не будет. А то, что у вас там есть или, допустим, было в так называемой Античной Греции – это всего лишь способ обмана и успокоения тщеславия народных масс...

– Пусть так, но это не отменяет ее эффективности! Вот зачем вы мне все это рассказываете?! – забыв, что перед ним покойник, громко и возмущенно воскликнул Ежихин. – Что вы от меня-то хотите?

Павел улыбнулся, по-военному развернулся на пятках и медленно зашагал от Ежихина.

– Не кипя-ти-тись, – медленно и отчетливо проговорил Император. – Мне просто очень жаль, что вы напрасно тратите свое время на вся-ку-ю ерунду! Россия-матушка подошла к своему очередному главному испытанию в истории. Вся Великая Россия – может именно сейчас расцвести и спасти целый мир. Русские инженеры готовы придумать невиданное, ученые открыть невозможное. Армия – стать невиданной по силе и уважению во всей человеческой истории и, может быть, даже снова вернуть любовь Христа на грешную землю. Поверьте, я

это вижу так же, как сейчас вижу вас. Но главная преграда и риск – это мой вопрос, вопрос русской власти.

– Я-то причем, Ваше Величество? – взяв себя в руки, спросил Турист. – Взяли бы лучше с каким президентом или губернатором поговорили на такие темы! Что я могу? Я понимаю, что ваш вопрос самый важный, но на него только академия наук ответит, и то не сразу, как я теперь понимаю.

– Не ответит! – Павел весело засмеялся. – Никогда! Ваши академии не верят в чудо, а Россия – это обычное, в моем-то уж мире точно, чудо, и ответ может явиться только чудесным образом. Даже вы, сударь, сами завтра будете всячески пытаться объяснить самому себе, что наш разговор – это не рядовое чудо, а какая-нибудь мозговая мутация, а потом снова начнете читать всяческие дурацкие книжки и проводить глупые научные эксперименты, строить доказательства.

– А что делать?

– Главное не потерять себя! Не убегать от судьбы, не забывать про наш разговор, а там мало ли как выйдет, дуракам, вообще-то, везет...

– Погодите-погодите, – вдруг заволновался Иван, чувствуя, что разговор подходит к концу. – Вы что-то знаете про меня такое? Или мне в чем-то будете помогать, ну, таком... Или мне что-то надо совершить, такое... И кто, простите, дурак-то?

– Нет-нет, Иоанн! – Павел несколько замялся. – Ничего я такого не знаю, кроме того, что ты можешь думать иногда по-особому и при этом все равно любишь людей, что, поверь, очень редкое у вас встречается. И помогать я тебе при всем желании не смогу, я даже и не знаю, в чем именно тебе помогать. Понимаешь, тут, в нашем мире, который вы обычно не видите и выдаете за патологию нервной системы, все не так однозначно, понимаешь? Ну, тут как зеркало вашего мира, свои страсти, по крайней мере у таких, как я. Поэтому, давай, сам, сам, сам, может, еще и встретимся. Кстати, вон там плинтус отошел, видишь? Перстень там уже больше двухсот лет валяется, возьми, а то строители не сегодня завтра точно найдут...

Иван с большим напряжением ватными пальцами, потев и проваливаясь в какой-то жар, увеличил щель между плинтусом и стеной, просунул пальцы под паркетную доску и выцарапал небольшой, ажурный, с большим красным камнем перстень...

– Ух ты, похож чем-то на мой подарок, что в сумке на вокзале остался! – весело сказал Турист, поднимаясь и поворачиваясь к императору.

Перед ним была пустая, полуосвещенная уличным электрическим светом, в строительных лесах и беспорядке, полуразрушенная комната Михайловского замка...

II

Кузнечко проснулся хмур и груб. Не то чтобы постель в провинциальном мотеле его не устроила, не то чтобы Интернет не ловил, не то чтобы живот крутило или чего еще по части физиологии. Он даже с легкими мурашками по коже вспомнил первым делом Богиню, еще потягиваясь на гостиничной, типа люксовой полуторке со спинкой под Людовика XIV. Более того, радость от правильности и своевременности своего захода на губернаторские выборы первым делом возникла в его голове после первой ночи в такой, не по-московски странной, Богом забытой Паракорочке.

Впрочем, школа Кузнечко – это ого-го какая школа, и не таких видали. Поэтому он не пошел в душ, достал патристично модный спортивный костюм «Bosco» из маленького и тоже очень модного баула-рюкзака, надел кроссовки и, закрыв номер, явно отличаясь от типичных постояльцев, упругой походкой бывшего спортсмена прошел мимо ресепшена с красивой, но, похоже, неоднократно уже матерью при ревнивом муже сотрудницей в пуританской белой блузе.

Василий Сергеевич, действительно, с давних пор, чтобы не разонравиться женщинам и клиентам, заставлял себя бегать по утрам и по 5, и по 10, и даже иногда по 15 километров легкой, едва похожей на спортивную трусцой, не жалея ни часа, ни двух своего личного времени. Тем более что в процессе невинной полубеготни он успевал не только додумать достаточно коварные для рядового обывателя планы, но даже иногда искренне удивиться прекрасному творению Господа и местного мэра, в зависимости от парка или города, в котором он находился.

В этот раз Василий Сергеевич был хмур даже не из-за припухшей после вчерашней драки губы, наоборот, его распирало и где-то тихонько сладко томило от того вчерашнего удивительного чувства и от Богини, которая словно стояла перед глазами. Настроение было тревожным именно из-за сна. Он мучительно пытался его восстановить на свежую голову, видел в нем какое-то совсем не шуточное предупреждение, или, вернее, даже подсказку, но никак не мог вспомнить...

Волевым усилием Кузнечко выгнал из головы все подозрительные для образованного человека мысли о снах, подсказках, томлениях и даже о Богине. И выбегая уже из Паракорочки по обочине вчерашней трассы, приступил к планированию. Сегодня в соседнем Пустозерском районе отмечается день героической обороны железнодорожной станции поселка Пустозерск. Судя по лентам местных новостей, на каждый такой праздник обязательно заявляется оппозиция и губернская власть, чтобы под предлогом высоких чувств, которые в такие памятные даты открываются в сердце каждого россиянина независимо от политических предпочтений, напомнить о себе избирателям и принять участие в торжественных мероприятиях.

Сам сценарий празднования из районного Дома Культуры столичному гостю был глупо безразличен, но вот попытаться после переговоров с лидером губернской оппозиции на выезде – задача дня для Кузнечко. Второй задачей, по возможности, он наметил себе разговор с главой района. Третьей, на вечер – все-таки попытаться созвониться и встретиться с Богиней, возможно, доехать до нее в столицу Провинции. Тем более что уже можно, с парой-тройкой расписок, как он предполагал после вчерашней удачи, в качестве аргументов для разговора со столичными начальниками и областными политическими деятелями.

Но прежде всего он должен был встретиться с Туристом, нарезать ему задач и для начала отправить его к паракорскому либералу. Важно было показать Петру Ильичу скорость и эффективность работы с ним, Кузнечко, а через него уже дальше по всем остальным главам и депутатам пойдет нужная информация и слухи о нем, Кузнечко, как о возможном губернаторе. «В этом деле мелочей не бывает! – думал опытный политтехнолог, экономно передвигая, чтобы не устать, ноги. – Три-четыре ярких услуги правильным провинциалам – и через неделю готовая репутация во всей области, через две недели – очередь желающих порешать свои старые проблемы, через три – толпа предусмотрительно желающих познакомиться на всякий пожарный политический случай».

Кузнечко весело засмеялся в этот момент, представляя, как сегодня глава Паракорочки, наливая амброзии еще советского разлива по стаканам, тихим голосом заговорщика будет рассказывать своим замам и секретарше о вчерашнем визите столичного гостя.

Вокруг бегущего человека благоухала влажная, ярко-зеленая, прозрачная весна. На пустынной дороге только легкий шелест кроссовок об обочину и несмолкаемые птичьи трели из придорожных кустов. Влага, разлитая маленькими болотцами и лужами среди кочковатых полянок, казалось, кишела то ли головастиками, то ли еще какими гадами, которых периодически ловили клювами красавцы-аисты, нисколько не смущаясь ни бегущего человека, ни редких машин. Везде бурлила жизнь, весенняя суeta, радость. Бегущий человек подмечал все это, сам растворялся в этой жизни, радостно сливался с нею. И Москва, и выборы, и депутаты казались ему совершенно другим, чужим, ненастоящим и выдуманным миром. Настоящий мир – вот он, живой, яркий, простой. «Я понял! – думал Кузнечко, мысленно улыбаясь. – Мне всю жизнь

пришлось быть в самодельном мире, не настоящем. Мы сами же его строили, тратили силы на его укрепление, сами же в нем жили, сами же его боготворили и отделяли от настоящего! Но боги, творцы-то из нас – хреновые, раз у нас нет места вот этому всему, нет места Богине, нет места хорошему портвейну и хулиганам – одноклассникам во дворе».

Вдруг он резко остановился и замер. Перед Кузнечко был тот самый поворот, тот самый пролесок, в который ушла вчера та странная бабка, в точности похожая на ведьму из старого фильма про Вия. Старые, черные и покосившиеся могильные кресты вдалеке, и все та же темная свинцовая туча, клубившаяся на горизонте там, где сходились тропинка, небо, кресты и зеленые ключья болотных перелесков.

Кузнечко стоял, словно окаменевший, рассматривал тропинку и могильную даль. Что-то вдруг незаметно, но очень существенно изменилось в окружающем пространстве. «Птицы замолкли! Тишина!» – понял Василий. В этот же миг он ясно вспомнил весь свой ночной сон, развернулся и быстрее привычного побежал обратно в направлении Паракорочки.

Сон на самом деле был прекрасен, если бы не эта чертова бабка. Теперь, на бегу, Кузнечко пытался сопоставить утреннюю пробежку, этот поворот на трассе, сон, драку и встречу с Богиней. Рационально объяснить не получалось, от чего ноги сами ускоряли бег. Ни птиц, ни благодушных аистов, ни буйства весенних красок он больше не замечал, мир вокруг превратился в чужой и опасный. Василий еще и еще раз прокручивал вдруг всплывший в голове сегодняшний странный сон.

Во сне он, совсем еще молодой советский студент, сидел в лекционном амфитеатре своего Политехнического института. Какой-то очень знакомый на вид профессор с кафедры научного коммунизма, чем-то похожий одновременно на Эйнштейна и Ломоносова, нервно размахивая руками, читал лекцию. За окном была в разгаре уже перестроечная весна, над доской в аудитории висела огромная, красно-бело-коричневая пенопластовая голова Ленина. Тут же, рядом с головой, белоснежными пенопластовыми буквами составленное изречение: «Абстрактной истины нет, истина всегда конкретна! В.И. Ленин». Причем в последнем слове не хватало сразу двух отвалившихся букв, от чего студенты уже вполне открыто хихикали, мол: «Истина ко.к. етна – не дает, не прогоняет», а на фоне перестроечных разоблачений советской власти во всех газетах, завхоз учебного корпуса уже как-то по-граждански храбро не торопился искать и клеить отвалившиеся буквы на свое место.

И вот этот профессор, периодически в широком жесте указывающий поднятой вверх рукой как раз на пенопластовую голову Ленина, вещал:

– Невозможно, коллеги, невозможно, не скрывая глаз от объективных научно зафиксированных фактов, верить всему этому чрезмерному советскому мракобесию, при всем уважении к нашей научной школе! Допустим, я не прав и конъюнктурен, но разве можно изменить факты, открытые каждому, при минимально объективном исследовании? Вот послушайте!

Есть гипотеза, что кухарку можно и должно научить управлять государством. Она не умеет, конечно, но можно научить, она должна, по мысли Ленина, участвовать в жизни государства! Авторская мысль именно такова, а не вырванные из контекста работы Владимира Ильича вульгарные трактовки. И вот сейчас все эти «прожекторы перестройки» и «демократические платформы» пытаются донести до нас вовсе не что-то новое, скрытое железным занавесом от советских граждан, а всю ту же Ленинскую мысль о кухарке, но уже в обертке западной демократии! Это бред! – сорвался на тонкий фальцет профессор. – Это бред! Не получилось это у Ленина, не получится это у современных демократов! Почему?

Дорогие товарищи студенты! Послушайте! Если вы возьмете всю древнейшую историю и до наших дней, вы увидите, что власть берут, владеют ею, остаются в ней – только особые люди! В чем эта особенность заключается? Феномен властителя, подчеркиваю, дорогие товарищи, в любой эпохе и в любой цивилизации – это феномен не человека, но бого-человека, или, по крайней мере, непосредственного родственника Божества. Все в мире менялось, рушились

империи и возникали новые, менялась мода, техника и быт человечества, женщины получили права, а наемные рабочие создали профсоюзы, но феномен власти оставался неизменным! Властью обличены люди особые, не совсем люди.

В первобытном обществе, в условиях родо-племенного уклада обладание сакральным знанием, доступом к духам предков – первое и главное, первое и главное, повторяю, условие обладания властью! Первобытные люди, как вы уже должны знать, это далеко не только дубинка и грубая сила, это сложнейшая система представлений о мире и жестких моделей поведения. Далее идем. В любом традиционном обществе, и в рабовладельческом, и в феодальном, если по Марксу, эта моя мысль совершенно очевидна. Монархия в России освящалась помазанием и генеалогией, в Древнем Шумере, Египте, у ацтеков и инков власть и Божество практически одно и то же. Вы можете сомневаться на счет Европы – источника социальных трансформаций на планете, но взгляните в нее! Почитайте внимательно Гомера, кого вы там увидите – Героев, они же Цари городов и областей, то есть властители. А кто такой Герой? Кто такой Герой, я вас спрашиваю, а? Только тот, кто имеет прямое родство с богами – обитателями Олимпа и других потусторонних чертогов! К примеру, даже не самые главные герои Троянского эпоса. Кто такой Аякс Теломонид? Сын Теламона! А Теламон кто? Близкий друг Геракла, который в свою очередь сын самого Зевса и смертной женщины. Поэтому Гомер называет его по имени, и эти названные по именам товарищи из всего огромного греческого войска пользуются покровительством тех или иных богов. Все остальные, воины, слуги, кухарки – не достойны даже имени!

Сколько Одиссей плывал по морю в тщетных попытках вернуться на свой престол в Итаку? А с ним ведь команда спутников, земляков, боевых товарищей. Но за все их приключения Гомер не называет его спутников по имени! О чем это говорит, я думаю вам уже понятно!

Далее Евангельская Европа с ее Священными Римскими Империями и родословными королей чуть не до Ветхого Завета. Далее Новая Европа, казалось, само понятие Божественного – попорно и перестало быть значимым, великородная аристократия потеряла свое решающее значение в обществе и миром стала править ненасытная буржуазия и ее капиталы. Но во власти опять ничего не меняется! Инаугурации по масштабу, торжественности, величию – с лихвой заменяют мессу, а с помощью денег буржуазии добытчик власти или ставленник во власть – моментально обожещается до героического Эпоса, будь это североамериканский эпос «Отцов-основателей», Легендарный Наполеон или Железный Бисмарк.

Далее. Европейский и в этом же европейском смысле российский опыт полного разрушения социальной системы до основания, с точки зрения вечного феномена власти – привели к противоположному эффекту. Гитлер, победивший на демократических выборах, превратился в Фюрера и арийского мессию, мумия Ленина вернула в современность культ Древнего Египта, Сталин стал Отцом Народа, то есть абсолютно, в смысле первобытной культуры – стал божеством на земле, родоначальником, живым тотемом, чем собственно всегда и является властитель на самом деле.

Поверьте, дорогие товарищи, неважно, насколько названные правители хотели быть полубогами или живыми идолами в голливудском смысле, если говорить о современных капиталистических странах, это феномен власти, который вместо объективного изучения маскируется нашими и капиталистическими учеными в мертвые абстрактные конструкции. Только особые люди могут брать и обладать властью, это «не совсем люди», или в метафизическом смысле – Избранные.

Профессор замолк, переводя дыхание и светясь от счастья, что дожил до того времени, когда он читает лекции без согласования с партийной ячейкой кафедры. Оглядел полупустую аудиторию и спросил:

– Вопросы? Есть ли вопросы, товарищи? Не стесняйтесь.

В этой части сна у молодого студента Кузнечко внутри что-то шелкнуло, и он, глядя на пенопластовую голову Ленина, поднял руку и с места громко спросил:

– Какой тогда смысл работать над собой, делать карьеру, если я точно знаю, что, например, никакой я не Избранный и не родственник Зевса, а сын простого инженера с авторемонтного завода и учительницы начальных классов?

– Никакого! – резко ответил Профессор. – Если все в этой аудитории решат, что они Избранные и пойдут во власть – будет именно то, что началось сейчас в нашей стране! Помните мое слово, нам нужно бояться не парадов суверенитетов в ослабевшей империи, а парада тысяч тщеславий, решивших, что они Избранные и время их Откровения как раз пришло! Возможно, вам это неприятно слышать и больно бьет в каком-то смысле по вашим жизненным мотивациям, но шансов у вас стать Избранным и в глазах миллионов небезосновательно властвовать – математически ничтожны. А по-другому, как я сказал выше, власть не обретается и не удерживается! Сама ваша мысль, что из сегодняшнего многомиллионного советского студенчества в будущем именно у вас есть шанс обрести власть – объективно ненаучна и полностью подтверждает мой главный тезис о, если хотите, мистической компоненте реальной власти! Ну, или вы просто жертва пропаганды вроде «Американской мечты».

Студент Кузнечко особо ни в какой горисполком или тем более в Политбюро и сам не собиравшись, о чем во сне прямо подумал, и вообще задал вопрос, скорее, из любопытства. Но ответ Профессора задел его тщеславие, и пусть он никакой не Избранный, но уж точно не «такой, как все»: не обделенная умом и талантами личность. Поэтому он громко, на всю аудиторию произнес:

– То есть, опираясь на передовую биологию или на Библию, или на научно-марксистский лозунг о том, что все люди – братья, чтобы стать у руля государства, мне всего-то нужно докопаться в своей родословной до Адама, от которого произошли все люди, включая царей. Или до той обезьяны, прародительницы рода человеческого – чтобы можно было смело говорить всем, что я потомок и генетический родственник Древних Героев и даже третья вода на киселе китайским императорам! А после этого я имею, по вашей логике, все права, чтобы назвать себя Избранным!

– Вы передергиваете! – возмутился Профессор. – Концепции, которыми вы манипулируете в качестве аргументов – это интеллектуальный балласт в нашем вопросе, не имеющие отношения ни к вам, ни к реальной Власти!

Вдруг слева от Кузнечко раздался звонкий девичий голос:

– Профессор, а если бы вам сейчас вместо споров наш Вася показал фамильный Великокняжеский манускрипт или перстень сбежавшей от революции прабабки-графини? Или он бы остановил ядерную войну с Америкой, предотвратив аварию на каком-нибудь реакторе? Или он привез бы с олимпиады в Сеуле сразу три золотых медали? Или, допустим, нашел бы золото Колчака в Сибирской тайге и спас Советский Союз от поиска денег на закупку зерна в Канаде, вы бы поверили, что он, возможно, Избранный и подходит для вашего феномена власти?

Кузнечко повернул голову и увидел за соседней партой Богиню. Она посмотрела на него, подмигнула и звонко засмеялась своим обаятельным весенним смехом.

Вася одним ухом пытался расслышать ответ Профессора, но уже радостный вскочил из-за парты, чтобы протиснуться к прекрасной Богине.

Вдруг в аудитории раздался страшный грохот, все посмотрели на кафедру, за которой находился Профессор, и увидели, как рухнул и вдребезги развалился на части пенопластовый красно-бело-коричневый Ленин со стены. Богиня весело смеялась, профессор, взмахивая руками, кричал в аудиторию: «Погодите! Я не закончил тему! Нам осталось еще разобрать универсальное правило десакрализации и смерти власти!» Откуда ни возьмись в аудитории оказалась старенькая уборщица с уличной метлой. Она стояла спиной к студентам у треснувшего портрета Вождя пролетариата и платочком вытирала слезы, что-то приговаривая и охая. Куз-

нечко пытался пробраться к Богине, и вдруг старенькая техничка с метлой повернулась в его сторону, грозя пальцем и обращаясь к нему скрипучим голосом: «Не слушай никого, Васятка! Все в твоих корнях! Есть и меч-кладенец, и ковер-самолет, и шапка-невидимка! Зачем тебе енти всякие реакторы ремонтировать и золото ентова Колчака искать? Оно давным-давно за кордоном, время только зазря транжирить!»

К концу фразы уборщица со своей метлой оказалась уже перед самым носом Кузнечко, и он с ужасом узнал ведьму из кинофильма про Вия, искусно замаскированную в форменный синий халат уборщицы. Он отпрянул от нее, развернулся и бросился бежать прочь из аудитории. Дверь оказалась так близко, что он, студент Кузнечко, не рассчитал расстояние, не успел затормозить и врезался скулой в угол двери...

«Той самой скулой, – подумал будущий губернатор на бегу. – В которую мне вчера врезали кулаком. Вот отчего я проснулся и не досмотрел сон!»

Кузнечко вбегал в Паракорочку полный благодарности своему ночному кошмару и очарованный своим новым открытием: «В наш проект необходимо внести коррективы! Я должен не только собрать подписи, зарегистрироваться и расторгнуться с Москвой или Губернией, я должен перестать быть каким-то там московским политехнологом! Я должен стать особым человеком, с печатью высших сил и высшего предназначения, во мне они все должны увидеть Спасителя и Грозу, не просто так оказавшегося в Провинции! Только как-то это все надо обыграть. Вот бы прямо сейчас взять и притащить в область прямо сто, нет двести миллиардов, например, из Китая? Или из Японии! Нет, это через МИД все, сложно, кто я такой... или попытаться? Придумаем! Ведь только вдуматься: не успел я собраться забрать власть – как уже столько непривычных странностей вокруг! В этой паранормальной провинции моя голова работает лучше, чем в молодости, объективно говоря. Тьфу-тьфу-тьфу».

За поворотом показался провинциальный мотель, рядом стоял его черный джип и, опираясь на него спиной, жмурился на солнышке Ваня Ежихин.

* * *

Иван зашел в свой номер провинциальной гостиницы, пересчитал солидный аванс от Кузнечко, устало сел на кровать, прилег, не раздеваясь и подложив руку под голову. Уставившись в потолок, попытался еще раз оценить ситуацию.

Завтрак со старым партнером и руководителем технологом Василием Кузнечко прошел, казалось бы, в обычной легкой и творческой атмосфере. Идея политконсультанту Кузнечко самому стать кандидатом в губернаторы – удивила Ежихина. «Политологов и технологов тысячи по всем регионам, хороших – сотни, а губернаторов всего-то восемь десятков на всю Россию, это ж другая совсем порода», – подумал он про себя, но, вспомнив про купюры от Кузнечко в своем еще недавно совершенно пустом кармане, Иван предусмотрительно промолчал. По мере его пояснений по предстоящей работе, надо сказать, вполне откровенных по старой дружбе, Турист увлекся и очередной раз получил удовольствие от того, как ловко Кузнечко придумал пройти «депутатский фильтр» и как минимум получить официальный статус кандидата в губернаторы. Первая расписка на пять депутатских душ, проведенная туда-сюда перед носом Туриста, на минуту привела Ивана в подзабытое чувство профессионального обожания своего первого наставника, его удивительной способности найти схему, в которой все довольны и никому, по большому счету, не обидно. При всем том – задача жестко решается так, как это нужно Василию Кузнечко.

Хорошо зная бульдожью хватку своего коллеги, он моментально представил, как тот вложится в эту кампанию и какая грандиозная битва предстоит в несчастной Провинции, когда на дистанцию выйдет Кузнечко и главным призом будет губернский престол. Турист даже без лишних расспросов, почти уже предугадывая, понял всю важность своей роли в процессе:

«Ваня, ты должен за пару месяцев создать несколько громких и длинных скандалов в масштабах губернии, еще лучше – раздутых за пределы Провинции. В целом неприятно от этих скандалов должно быть региональной власти, и вызывать чувство опасности по всему второму эшелону местной власти! Чтобы провинциальные амебы вострепнулись и стали водить носом в поисках источника опасности. Параллельно – подберешь местные кадры для нашей избирательной кампании, это как обычно. Сразу много денег не обещаю, присмотришься. Да, начни с некоего депутата Паракорочки Виктора Ключи. Он, похоже, из разряда Новодворских местного значения, поэтому договариваться с ним надо аккуратнее, все равно кинет. Но конструктивно и с намеком на долгую дружбу, сам знаешь таких. Желательно его борьбу от главы города перевести на что-нибудь более грандиозное, мировых масштабов, они на это с радостью клюют все как один, в общем, разберешься. И по обычной схеме, толкачи по размещению на сайтах в Москве те же, что и раньше. С местными журналистами сам наведи мосты. От кого ты, чей, зачем тебе это – никого не волнует. Со мной связь только по второму телефону, отчеты лично. Усек?»

До этого момента разговор был понятен Ивану и привычен. При всех сложностях с местным депутатским сообществом – шансы, безусловно, были, тем более если этим занимается лично Кузнечко, да еще и Кузнечко с деньгами (без денег он, собственно, никогда ничем и не занимался, но здесь деньги, судя по авансу, серьезные).

Но что-то, похожее на совесть или предчувствие дурных последствий в круговерти всех недавних приключений, дернуло Ивана вспомнить и бандеровцев, и Павла, и кожей ощутить царский перстень в кармане. И он, пытаясь перевести свою смутную тревогу в шутку, взял да сказал Кузнечко: «Да сделаем все по красоте, Вася! Главное, чтобы не приключилось как с великим политическим консультантом седой античности Платоном, когда он успешно давал советы до тех пор, пока не сел управлять какой-то там древнегреческой губернией...»

Далее Ежихин был поражен переменой, которая произошла с Кузнечко. Более того, он вообще ни разу не видел того в подобном состоянии. После его невинной и дружеской шутки про Платона Кузнечко замолчал, о чем-то задумался, открыл рот, будто начиная говорить, но не начал. Встал, нервно заходил по почти пустому кафе. Потом повернулся, зло, именно зло, а не привычно высокомерно-снисходительно, улыбнулся и сказал: «А кто тебе вообще сказал, что я Платон? Или Остап Бендер? Или вообще, что я политконкультист? А?» Кузнечко трясло. И Иван, чтобы сбить невероятную для многих лет знакомства с человеком вспышку ярости, произнес: «Да я в целом про стартовый капитал, у тебя же и семьи нету, и для Провинции ты чужак, и времени осталось до кампании совсем не много». Но вместо перевода разговора в обычное русло плюсов и минусов, разбора многочисленных примеров и анализа подобных ситуаций в избирательных кампаниях разных лет и регионов, как ожидал Иван, его партнер взвился еще больше:

– А если я золото Колчака нашел? А если я спас реактор и предохранил мир от второго Чернобыля? А если я потомок знаменитого местного князя? А если точкой моей избирательной кампании у меня будет свадьба с прекрасной, обворожительной Богиней, которая по удивительной ошибке родилась и выросла в этой странной местности? Что ты знаешь обо мне? Я не Платон, Ваня, ни Макиавелли, а возможно, Избранный, потому что только Избранный...

Кузнечко прервал речь, словно испугался сболтнуть лишнего или потому что представил, как смешно он сейчас выглядит в глазах коллеги по цеху. Взял себя в руки, отвернулся от Туриста.

Жениться ради выборов как технологический ход был вполне в духе Кузнечко – размышлял глядя в потолок Ежихин – но про Избранного, да с такими горящими глазами – это уже слишком. Мысль Ивана раздвоилась. С одной стороны, он объяснил себе поведение друга обычным эффектом, когда неопытные политики, не успев победить, уже искренне видят себя со значком депутата, или в кресле градоначальника, или мысленно уже распределяют бюджет

области и даже невольно начинают вести себя соответственно. Но эти политические чары и человеческую слабость сам Кузнечко обычно выбивал из любого кандидата с самого начала. С другой стороны, он вполне серьезно отнесся к его, Ежихинским, несерьезным вопросам, навеянными ночью, проведенной в Михайловском замке. «На кого ты будешь опираться в регионе? На кого-то же надо опираться, не можем же мы вдвоем и нанятые местные ландскнехты рассчитывать на успех?» – спросил Турист, перед тем как разъехаться. Ответ был снова совершенно неожиданным, не в стиле Кузнечко: «На дружину будем опираться и примкнувшее местное ополчение! Как древние князья, или как Одиссей на свою команду, а все остальное, процедурно-демократическое, мы с тобой и сами не хуже местных знаем!»

«Или свихнулся, или мозги мне пудрит, – думал Иван, анализируя встречу, – сейчас вот поеду к этому Виктору Клюке, отвлекусь на местную рутину. Но вообще, мы с ним словно поменялись местами. Что жажда власти с людьми делает. С другой стороны, я его столько лет знаю, не может он просто так. Здесь какой-то хитрый план. Действительно, если посмотреть вокруг, то со всех сторон набирают силу различные политические фронты и ополчения. Интервью раздают «ночные гепарды» и «ордена милосердия», «православные опричники», организации «убитых подъездов» и полузакрытые «клубы посвященных мудрецов». Старые добрые партии, профсоюзы и бюджетники никому теперь не интересны! Точно хитрый план! И почему дружина? Я понимаю, что древние князья, захватив какой город, хотя бы и эту Провинцию, власть брали с помощью своих молодцов с мечами и держали эту власть на их же мечах. Взамен, особое отношение, «друзи», «дружина», потом «ближняя дружина» или «малая»? Все в одной горнице, совет держат, вместе решают... А если бы я ему про Павла рассказал?»

Ежихин почувствовал, что вот-вот от таких мыслей на гостиничной кровати захрапит. Поэтому собрался, резко встал, сделал короткую энергичную зарядку, взял планшет и сел изучать местные политические новости в Интернете, работы впереди было много.

* * *

Площадь перед вокзалом с надписью на фасаде «Станция Пустозерск» пестрела школьниками, пенсионерами и многоцветьем самых разнообразных политических флагов.

Совершенно спокойный, руки в брюки, в жидкой толпе прогуливался Василий, цепко выхватывая глазами привычные для его глаза скрытые пружины происходящего мероприятия.

Вот несколько флагоносцев одной оппозиционной партии, выполняя поставленную задачу, быстро развернув полотнища, бочком-бочком пытались застолбить площадку напротив импровизированной сцены митинга и скользящих до начала митинга телеоператоров. Полные немолодые мужики перестарались и перекрыли собой и флагами шеренги школьников, которые в свою очередь, радуясь солнцу, болтая друг с дружкой и глядя в смартфоны, особо не возражали. Но мощная учительница так шепотом рявкнула на ретивых партийцев, что те начали сдвигаться за спины детей.

Тут же другие ретивые политические волонтеры с натянутой улыбкой бросились по первой шеренге детей раздавать маленькие флажки-триколоры, заодно вручая по второму, правильному партийному флажку. Молоденький мальчик из отдела протокола губернатора подбежал к раздающим флажки, что-то сказал, выпучив на активистов глаза, и вместе с ними начал отбирать у несовершеннолетних партийные флажки, оставляя триколоры.

Третьи, наверное, считали себя самыми хитрыми – встали позади толпы и вдруг развернули флаги своей партии на пятиметровых телескопических удочках, тем не менее так прижавшись к задним рядам зрителей, что Кузнечко моментально отметил про себя, что в кадр с такими мачтами флаги точно не попадут. «Такие все грамотные стали, – с ухмылкой подумал про себя консультант. – Будто только с планерки Первого канала. Выгодную для себя картинку

формируют, а как искренне прячут свои действия за улыбки и поздравления с праздником направо и налево!»

На самом краю площади стояли кучки солидных людей. «Вот эти нервничающие – точно районное руководство, ждут губернатора, а вон там, по-моему – тот, кто мне нужен. Ну да, негоже оппозиционному лидеру со всем народом стоять, ждать первое лицо области и теряться в одиночестве, когда все уставятся на приехавшего губернатора».

Перед Кузнечко вдруг вырос студент в партийном шарфике и равнодушно, с натянутой, как в дешевой маске, улыбкой, отгарабанил: «Здравствуйте! От всей души поздравляем вас с большим праздником всей пустозерской земли! Слава защитникам Пустозерска! Возьмите наш флаер, приглашаем вас на депутатский прием нашего лидера, который состоится в музыкальной школе сразу после торжественного митинга! Наш лидер ответит на все вопросы и выслушает каждого!» Вложил в руки бумажку и исчез в направлении следующего зеваки. Флаер, по большому счету, соответствовал сказанному юношей.

Оппоненты заметили ход с флаером, и через полминуты перед Василием появилась женщина: «Ой, а извините, у вас нет лишнего приглашения на встречу с депутатом? Я свое потеряла». Василий, почти смеясь, протянул ей только что полученный флаер, который она с трудом, стесняясь и поворачиваясь к Кузнечко другим боком, попыталась впихнуть в туго набитый такими же бумажками карман.

– Погодите, – с напускной строгостью, инспекторским голосом сказал Кузнечко. – Хочу сказать, что на встречу с депутатом никогда не ходят по билетам или пригласительным! Это противоречит профессиональному смыслу самого депутатства, он рад будет толпе без всяких пригласительных и даже сам будет зазывать на улице прохожих! А вы своими действиями, только подогреваете интерес народа к встрече с оппозицией!

– Ой! – громко испугалась женщина и тут же шепотом добавила: – Мне же сказали так! Я делаю, как сказали! Простите... Вы, наверное, из областного исполкома...

– Я из Москвы, – нисколько не соврал Кузнечко, сказав это все тем же строгим голосом, чувствуя, что бедная женщина сейчас или упадет в обморок, или заплачет. – Лучше взять все собранные пригласительные и незаметно раскидать по площади, таким образом обращая внимание избирателей на мусор под ногами. Люди сформируют соответствующее отношение и к приглашению, и к депутату, тем более они сдуру туда его портрет прилепили.

Женщина уважительно закивала головой и пошла искать свое начальство. Кузнечко сменил диспозицию, еще раз обратил внимание, что людям действительно совершенно все равно и на флаги, и на флаеры, и на партийные шарфики, все щебетали о своем и ждали начала мероприятия.

Вдруг легкий, едва заметный шелест пробежал по толпе, какое-то невообразимое волнение и ажиотаж, словно переключатель, изменил атмосферу. Вокруг сделалось как-то торжественно тихо, и только легкий ветерок голосов: «Губернатор приехал, губернатор, наш главато района прям рядом, рядом, смотрите! Этот старый пенёк с вокзала вьется вокруг...»

Крепкий седовласый губернатор, сливаясь в попутном движении с подоспевшими оппозиционными лидерами, со всеми здороваясь за руку по пути, упругой молодой походкой первым делом подошел к сидящим ветеранам. За ним следом все его попутчики тоже начали жать руки и гладить по плечу бабушек и дедушек, которых насчитывалось с десятков и их в ряд усадили перед трибуной. Раздался звук метронома и торжественный, но волнующийся и от того запинаящийся голос невидимой ведущей из местного Дома Культуры.

Кузнечко не стал смотреть торжественный митинг, выступление школьной хореографии, ружейный салют взвода почетного караула из местной мотострелковой бригады. Он понял, что с главой района не переговорит сегодня, тот совершенно точно ни на шаг не отойдет от Первого лица, а когда посадит его в машину, выдохнет и вряд ли захочет портить свою радость от успешной работы разговором с каким-то заезжим москвичом. Василий пошел искать музы-

кальную школу, попутно думая об этом явлении: изменении атмосферы, внимания, даже, казалось, воздуха в момент появления Первого лица. «Пусть не заметно, пусть на минуту, но это как по команде, у всех таких разных одинаково, словно кто щелкнул включателем другого измерения: властитель приехал! Как в словах профессора во сне...» – размышлял Кузнечко, прогуливаясь по свежеподметенному тротуару с побеленными накануне бордюрами. И тут он вспомнил про давний, уже и позабытый момент из его жизни – инаугурация президента.

Он стоял среди множества приглашенных, выстроившихся вдоль красной дорожки в длинной Кремлевском зале. Место стояния у него было далеко от главного места таинства с Конституцией. Но и здесь, в проходном с двух сторон вытянутом зале, находилось множество знаменитых на всю страну лиц, представителей всех профессиональных цехов, фракций и отраслей. В позолоченной роскоши кремлевских интерьеров царила тишина, в воздухе почти физически чувствовалось напряжение. Все переговаривались очень тихо, сдержанно здоровались кивком головы со старыми знакомыми, то и дело поглядывая на большие экраны, где в прямом эфире должны были показывать президентский кортеж по дороге сюда, в этот зал, к этим золотым высоким дверям на входе и к этой красной дорожке. Вот два товарища, оказавшиеся разделенные этой самой красной дорожкой пытались о чем-то переговорить, вытягивая шеи. Вдруг один из них, оглянувшись по сторонам, нелепо, испуганно перепрыгнул на другой берег, едва коснувшись своей начищенной туфлей красной поверхности, будто это было не ковровое покрытие, а огненная кипящая лента лавы.

Кузнечко прислушался к соседям, строго одетым мужчине и женщине, стоявшим рядом. Она говорила ему о том, что впервые на инаугурации, но ощущения очень знакомые, словно она не раз уже бывала на подобном действии. На экранах двинулись черные машины в окружении эскорта. «Я поняла, на что это все похоже! – вдруг зашептала на ухо мужчине спутница. – Это все похоже... на похороны, ну, в смысле атмосфера, поведение людей, сейчас вот он пойдет по дорожке, а мы все будем хлопать, словно провожая в последний путь, а потом все случится». Кузнечко вытянул шею к таким интересным соседям, чтобы не пропустить любопытный диалог. Мужчина приобнял ее за плечи и зашептал в ответ: «В каком-то смысле ты права, дорогая, если рассматривать похороны как обряд перехода в другой мир. Он тоже переходит в другой мир и после совершения обряда станет другим, совершенно особым человеком! Тяжела шапка Мономаха, только представь, каково ему совершать этот переход! Смотри, смотри»...

Василий вернулся из московских воспоминаний в провинциальный Пустозерск. В небольшом актовом зале музыкальной школы райцентра собралось человек сорок. Студенты, зрелые мужчины, несколько районных и городских депутатов и их помощников из столицы региона – из числа сопровождения и группы обеспечения областного исполкома. Они составляли большую часть аудитории. Местные избиратели были представлены тремя-четырьмя любопытными работниками самой музыкальной школы и пожилыми людьми, в основном женского пола.

Кузнечко присел в самый темный угол за спины женщин и закрылся партийной газеткой, которую тут же, на входе, вручали студенты всем входящим.

Время начала встречи с лидером оппозиции губернского масштаба уже затягивалось минут на десять. Василий представил, как сейчас за дверью получают нагоняй партийные аппаратчики за полупустой, и без того небольшой для такого солидного планового партийного мероприятия зал. «И стулья лишние не убрать, привинчены. Значит, и от своей пресс-службы получают», – подумал московский политехнолог. Словно в доказательство его слов по рядам пошли помощники с просьбой пересест поближе, а на самом деле сделать хоть какое-то подобие массовой встречи с избирателями для партийного фотографа.

В зал спокойной, солидной походкой уверенного начальника вошел среднего телосложения в светлом костюме и партийном шарфике, с лихо зачесанной назад седой шевелюрой и лихими черными усами лидер, депутат губернской Думы, по совместительству единоличный

руководитель провинциального отделения всероссийской партии традиционно непримиримых оппозиционеров. Все выдавало в человеке опытного публичного бойца, старого политического волка и грозного для партийных аппаратчиков начальника. «Все есть! Все, что должно быть у настоящего лидера, но какой-то комплекс неполноценности тоже есть, и вот ощущения тайны власти, даже минутного в аудитории нету! – зафиксировал Кузнечко, с прищуром разглядывая между спинами женщин своего будущего соперника. – Ну нету у него обаяния власти!»

Усатый, как прозвал про себя депутата Кузнечко, медленно, солидно и за руку поздоровался с сидящими на первых рядах людьми, пару раз грозно зыркнув при этом на тянущих ему из массовки руки однопартийцев. И начал речь:

– Друзья, земляки! Еще раз хочу поздравить всех со знаменательной датой! Город Пустозерск – наша гордость, а его жители – наше достояние и сокровище! Тем более горько сегодня вспоминать войну, когда бандеровский фашизм поднял голову на братской Украине! Гибнут мирные люди, дети...

Зал словно проснулся, ободрительный шепот, головы сидящих слегка закивали. Оратор понял, что правильно начал.

– Как такое могло случиться? За что воевали наши с вами деды? Каково им оттуда, – он поднял палец к потолку, – из Царствия Небесного, глядеть на все, что сегодня показывают по телевизору?

– А мой перечник и не смотрит! – вдруг звонким голосом перебила выступающего одна из бабушек интеллигентного вида. Похоже, у нее накопело и среди подружек и областных гостей по причине тайной гордости за своего «перечника» вырвалось наружу. – Не выносимо, говорит он мне, смотреть на это все, откопал... э-э-э, нашел в лесу автомат с войны, нала-а-дил его, сма-а-зал. Говорит, пока хоть одну мразь, что народ сжигает, не порешу – в гроб не лягу! Требует, чтобы я ему этот... рыбацкий костюм защитного цвета купила! Сво-ло-чи!

Голос старушки дрогнул, и она спрятала голову в платок. Тут же, не давая лектору отреагировать, раздался голос сотрудницы музыкальной школы:

– А мой Вовка сказал, что на север устроился и не звонит уже два месяца, как уехал! Года не прошло, как с армии вернулся и пропал, там он точно! Он с двумя мальцами сбег из дому, с которыми служил вместе, может, подсобите отыскать, товарищ депутат?

Поднялся гвалт, из которого сыпались личные советы, последние новости, искренние проклятья в адрес майдана и бандеровцев. Депутат попытался свернуть на другую тему, но никак не получалось, пока наконец другая старушка не встала и сама не обратилась к гостю:

– Мы тут с Советом ветеранов собрали, кто сколько может на лекарства нашим пенсионерам и на еду ребятишкам малым из Новороссии, все под запись, с ведомостью. Давайте вы тоже примите участие, товарищ депутат! Все равно же голосовать за себя будете просить, так же? Хоть добрую память о себе оставите!

– Конечно, поучаствую! Конечно, мои дорогие! Сразу после встречи, мой помощник пойдет с вами и сдаст денежку. Сколько смогу, не обессудьте, от всей души. Мы же – оп-по-зиция! Нас так власть зажала за нашу правду, что ни денег, ни работы у нас нет! – перевел все-таки оратор в нужное русло разговор. – Посудите сами, мы со своей пенсии нашим братьям последние копейки собираем, а эти толстосумы из власти брюхо свое набивают, миллионы тратят на свой пиар, на дорогие машины, отдых на Гаваях, на часы по миллиону долларов! Посмотрите, что в телевизоре показывают, что в Интернете пишут про этих кровососов народа.

В зале наступила тишина. Депутат понял, что пора говорить главное.

– Мы, наша партия выйдем на губернаторские выборы и положим этому беспределу конец в нашей губернии! Положим конец! Сколько ж можно! Сколько у вас пенсии и зарплаты, а? Сколько мы будем ждать ремонта этой замечательной Пустозерской музыкальной школы, которой, – заглянул в бумажку в руке, – на следующий год исполнится шестьдесят лет! Сколько еще мы будем отдавать последние кровные жуликам из ЖКХ? Доколе нам терпеть ямы во дво-

рах наших домов! Так жить нельзя! В наших силах поменять это на честных демократических выборах. Я пока не агитирую и не называю нашего кандидата, – повисла многозначительная пауза, – но он появится совсем скоро, и я прошу уже сейчас вливаться в наше партийное ополчение!

Оратор профессионально завел сам себя, активно разводил руками и тряс кулаком в потолок. Речь лилась из него как бурный поток, захватывая аудиторию: то накрывая ее ужасом, то лаская теплотой соболезнования, то вдохновляя на акции протеста за справедливость. Однако народ, в отличие от самого оратора, особо не заводился. И когда лидер оппозиции предложил задавать ему любые, самые острые вопросы и просьбы, раздался стеснительный тоненький голос другой сотрудницы музыкальной школы:

– В нашем Пустозерске детский сад построили. А еще Иван Иванович, губернатор, когда к нам на музыкальную гостиную заезжал в апреле, у него тут дача недалеко, сказал, что наша школа уже стоит в бюджете на следующий год, извините. А вас я в прошлом году слушала, вы все то же самое говорили, и в позапрошлом, извините еще раз, пожалуйста.

– Эх, кумушка вы моя! – не растерялся оппозиционер. – Я скромно не стал приводить в пример ваш детский сад! Потому что мне стыдно, что у вас построили на весь район всего лишь один детский сад, а не десять! А не воровали бы – и школу вашу давно бы отремонтировали! Что ж вы такая наивная, несчастная жертва пиара власти! Если хотите знать, то за ваш садик вы должны благодарить, – лидер партии пошарил глазами по залу, – Петра Никифоровича! Вашего районного депутата от нашей партии!

Испуганный мужичок Петр Никифорович подскочил со своего места и заспанными глазами начал испуганно озиаться по залу.

– Садитесь, Петр Никифорович, – ледяным голосом процедил Лидер, заметив заспанные глаза коллеги, и громко продолжил: – Это именно он, ваш депутат от нашей партии, скромно, но неоднократно поднимал вопрос о Пустозерском детском саде, я лично подписывал письма во все инстанции, угрожал акциями протеста, голодовкой и обращался к нашему лидеру в Москву! И если бы не я, нет, если бы не все мы вместе с товарищами, не было бы у вас детского сада еще лет двадцать!

Раздались бурные аплодисменты со стороны помощников и неуверенные, из чувства «все хлопают – мне тоже надо» хлопки из рядов местных жителей. Тут же поднялась женщина из местных и, сориентировавшись в обстановке, начала длинную докладную жалобу на преступления районной и областной власти перед народом Пустозерска. От плохого отопления зимой в ее доме до ужасного качества вонючей самогонки, которую нелегально продает соседка Ефросинья пустозерским мужикам.

Вдруг с заднего ряда всех прервал спокойный голос Кузнечко:

– Вообще-то, Валентин Петрович, это правительственная программа по детским садам, и срочность, адресность финансированиястроек или ремонтов защищает в Москве правительство Провинции, а вы даже в областной Думе к этим вопросам не имеете никакого отношения, кроме права на депутатский запрос, разумеется, так что вы людям только что наврали, получается...

Валентин Петрович (так, оказывается, звали лидера оппозиции) побагровел, затем быстро (все-таки опыт), подняв руку в направлении Кузнечко, громко прорычал:

– Провокатор! Засланный казачок от наших жуликов! Вот как власть обмазывает грязью последнюю оппозицию! Правда глаза колет? Проследите за ним, не выпускайте его, мы пойдем в суд!

– Да я и не убегаю никуда, я, наоборот, к вам, – спокойно сказал Василий. – Просто я удивлен: на последнем координационном совещании ваш куратор Семен Семенович давал несколько иные установки в региональные отделения, более того, мне он говорил, что селектор

по кандидатам и рекомендациям на губернаторские выборные кампании вашей партии состоится только через неделю!

Кузнечко с удовольствием отметил про себя, что лидер оппозиции точно растерялся, понимая, в отличие от присутствующих, и кто такой Семен Семенович, и про селектор. Помощники разинули рты. Они не знали, что делать, смотрели поочередно то на Кузнечко, то на своего начальника. Кузнечко милосердно протянул руку помощи коллеге:

– Но вообще, как вы знаете, о вас очень высокого мнения в Москве, очень, вы – надежда партии, и люди вас ценят, прежде всего – за вашу честность и открытость, что является залогом успеха в борьбе с этой насквозь коррумпированной машиной власти. Я подожду вас на выходе, извините, ради бога, что перебил, продолжайте, пожалуйста...

Кузнечко встал, медленно, в тишине цокая каблуками своих модных туфель, прошел между замершими помощниками и вышел на крыльцо музыкальной школы... Сидя на лавочке в рощице за музыкальной школой Кузнечко мирно беседовал с Валентином Петровичем. Видно было, что тот еще обижался, фыркая в свои шикарные усы, но после инцидента был очень внимателен к каждому слову заезжего московского гастролера. Наконец, решив, что ворон ворону глаз не выклюет, ответил:

– Есть у меня и тридцать свободных депутатских душ, и даже больше, и вы, конечно, правы, что губернатор поможет мне все подписи собрать, и деньги мне, вернее, партии на кампанию, конечно, понадобятся. Но зачем мне помогать конкуренту? Вы оторвете мои голоса на выборах и вместо, например, второго места у меня будет какое-нибудь третье. Вы же понимаете, насколько это важно для работы в следующие пять лет? А если в ходе кампании у меня появятся шансы победить? Вы меня можете лишить как раз недостающих голосов, лишить шанса на второй тур! Опять же цена вопроса, вы ж понимаете, что это оч-ч-чень серьезно... – деликатно забросил удочку на предмет поторговаться Валентин Петрович.

– Ваши голоса я не съем точно, кто я такой здесь у вас? Я же здравомыслящий человек, поэтому моя задача – суметь выдвинуться, обратить на себя внимание и договориться по другим совершенно вопросам, откровенно говоря, обратить на себя внимание Москвы. Сами подумайте, зачем московскому политконсультанту ваша убогая провинция, да еще отвечать за все это хозяйство! Нет, нет. Ну а про цену вопроса вы не переживайте.

Кузнечко легким движением руки, предварительно окинув взглядом вокруг, расстегнул и откинул крышку своего заветного портфельчика, лежащего у него на коленях. Валентин Петрович замер. И сам резко захлопнул портфель, навалившись на Кузнечко.

– Что вы себе позволяете! Мы же не в Москве! Застегните его, чтобы я был спокоен, – затем, оглядевшись, отдышавшись, Петр Валентинович продолжил: – Значит так, давайте договоримся, я согласен, но расписку пишу не я вам, а вы мне! У меня в машине есть список моих депутатов, я их всех знаю лично. Я выбираю вам тридцать мандатов, обвожу их ручкой. Вы с завтрашнего дня едете и берете с них подписи за свое выдвижение. А вы мне прямо сейчас пишете расписку, что обязуетесь как сторонник нашей партии с моей регистрацией в качестве кандидата перевести в Фонд моей поддержки – вот эту сумму.

Валентин Петрович достал авторучку и на своей ладони написал цифру, поглядел на реакцию Кузнечко, нарисовал плюсик и еще одну цифру – типа на телефон и бензин по подготовке депутатов. Затем плюнул на ладошку и быстро стер чернила.

– И имейте в виду, если вы мне не переведете то, о чем договорились, куда и как я вам скажу сразу же, то вдруг окажется, что все мои, то есть уже ваши депутаты ранее, до вас, дали подписи другому кандидату, а значит, ваши подписи окажутся недействительными, – уверенно и уже с чувством легкого превосходства сказал оппозиционер. – Договорились? Пойдемте в мою машину за списком...

– Договорились! – весело, почти смеясь, ответил Кузнечко. – С вами приятно иметь дело. Только, Петр Валентинович, если вдруг ваш стратегический депутатский резерв по независи-

щим от меня обстоятельствам потребуется вам самому по тем или иным причинам, то ваша сегодняшняя неловкость покажется вам детским садом, а все вот это, – Кузнечко похлопал по портфелю, – пойдет на то, чтобы вы стали даже не вторым, а последним номером на выборах и вылетели из своего партийного кресла по единогласному решению ваших московских старших товарищей. И, кстати, еще пять душ добавьте в наш с вами список, так сказать, за тот плюсики, что вы пририсовали на своей ладошке к первоначальной цифре...

* * *

Просмотрев личный «Сайт умных горожан» местного депутата Клюки под названием «Паракорочка-Авеню», в разделе «Криминал» Турист вдруг наткнулся на свежайшую, но очень короткую и неприметную в череде новостей об угнанных велосипедах, кражах на колхозном рынке и ДТП такую новость: «Группа подонков вчера поздно вечером в переулке Курбского побила прохожего, возвращавшегося домой. Прохожий оказался депутатом В.С. Клюкой. Криминальный корреспондент Вихрев».

Турист быстро оделся и отправился встречаться по самому срочному из заданий Кузнечко. Всю дорогу до домика Витьки Клюки, адрес которого он нашел на сайте городской думы Паракорочки (Переулоч Курбского, 6), Турист крутил в голове мысль о «дружине Кузнечко» и о ночном разговоре с Павлом, или не разговоре, а о сонном видении на почве стресса и голода. Окунувшись в такие привычные, без всякой чертовщины и мистики предвыборные хлопоты, он уже начал сомневаться в реальности вчерашней ночи и периодически представлял, где и как в ночном бреду в Михайловском замке он умудрился стырить или все-таки найти такой симпатичный перстенек.

По «дружине» у него вырисовывался только вполне актуальный общественный проект, который Кузнечко решил обкатать на себе в регионе, а затем предложить какому-нибудь клиенту развернуть на всю страну или часть страны. «А что! – рассуждал Ежихин. – Никому нельзя доверять, все всем не доверяют, одна и та же тусовка в каждой губернии бегают двадцать лет из партии в партию, из должности в должность, из редакции в редакцию, а тут свежие силы, общественники – дружинники, то есть сильные и лично преданные. Чем не опора? И так патристично – наша провинциальная дружина. М-да... но бред это все, где ж таких преданных дружинников найти? Перекупят через полгода или сами лидера сковырнут. Модно, но не понятно. И потом Павел сказал, что после него все вниз покатилося, туда, от чего ушли. А от чего ушли? Дружина в древности. Значит, обратно к дружине и князьям все и покатилося! Феодалные войны? Неоязычество? Племена? Нет, это мысль опасная и лучше ее не думать...

В домике жил вечный паракорский оппозиционер и личный враг главы города Виктор Клюка. Вот он, посмотрите, медленно, с гримасой боли, на раскоряку, почти не сгибая ног в коленях, спускается с кривого крылечка и идет отомкнуть калитку перед улыбающейся физиономией Ежихина. Несмотря на разочарование народной массы в либералах, на свой собственный мандат городского депутата, Клюка всегда набирал голосов.

Его секрет был связан, скорее всего, с тем, что с самых советских времен он числился знатным краеведом, хорошо знал все местные достопримечательности и очень искусно выдавал себя прежде всего не за политика, а за хранителя местной старины и паракорской идентичности в целом. То есть это был такой местный персонаж, без которого Паракорочка наверняка утратила бы важную черту собственного идейного своеобразия и неповторимости. Всем в городе был известен этот человек: с редкими длинными волосами, в старых квадратных очках в толстой пластмассовой оправе, из-за которых его глаза казались маленькими и хитрыми, с острым красным носом и тонкими, как будто обиженно поджатыми губами.

Однако главным и тайным мотором жизни Клюки была ненависть ко всему, что связано с властью. Все его краеведение в конечном итоге демонизировало власть того или иного исто-

рического периода, все его статьи о страдающем под пятой азиатчины народе всегда заканчивались логическим и едва скрываемым презрением к самому же этому народу. Он искренне и сначала тайно ненавидел советскую власть, язвительно ненавидел власть Ельцинских демократов за то, что они, по его разумению, были сплошь липовыми перевертышами из КПСС, ненавидел власть путинскую, потом медведевскую, потом снова путинскую. Он был провинциальным англоманом и искренне сожалел, что в истории родного города не промелькнуло ни одного британца. Зато еще во времена Перестройки на страницах местной газеты он убедительно доказал, что сам Курбский, по его мнению, наипервейший диссидент и демократ России, бежал от тирана Ивана Грозного как раз через Паракорочку и скакал на лихом коне, между прочим, именно что по его родному переулку. Благодаря перестройке и активности депутата (тогда еще Горсовета) Клюки – Совпартшкольный переулок был переименован в честь первого диссидента Курбского.

– Вы кто, молодой человек? – скрипучим голосом спросил Клюка. – Что вам надо?

– Простите, я журналист из Москвы, много о вас слышал и раньше, а тут, будучи случайно проездом, увидел на вашем совершенно замечательном городском сайте эту ужасную новость! Вот, я вам даже лимоны, яблоки принес. Креативный класс должен быть солидарным и чутким друг к другу, иначе в нашей борьбе успеха не будет!

Было заметно по как бы от скромности опустившему голову Клюке насколько точной получилась лесть Ежихина. Начало было положено и через какое-то время они уже беседовали за чашкой чая на маленькой веранде. Беседа помимо цели войти в доверие имела вполне конкретный замысел со стороны Ежихина. Но поскольку либералы не умеют разговаривать даже об огуречных грядках, не касаясь ненавистного президента и глобальных проблем человечества, Ежихину было очень тяжело свернуть разговор на конкретные договоренности. Каждый раз ему приходилось начинать заново:

– Что же вы, Виктор Солонович (отца Клюки дед назвал Солоном в честь античного деятеля, что было формой завуалированного протеста против сталинизма), не хотите сделать заявление?! Вы от меня что-то скрываете! Это же политические репрессии, я уверен! Попытка задушить свободу слова! И вовсе не глава вашего городишки стоит за всем этим, а как минимум областная власть и псы режима перед выборами губернатора зачищают Провинцию!

– Понимаете, многоуважаемый Иван Федорович! Не считите за гражданскую трусость, при всем внутреннем согласии с вашей версией событий, есть обстоятельства, которые заставляют меня молчать об этом происшествии!

– Боже мой! – воскликнул Ежихин. – Да что же это за обстоятельства? Вас запугали?

– Меня не-воз-мож-но запугать! – выпрямив спину, гордо сказал Клюка. – Ни-ког-да! Ну... сказать откровенно, я был нетрезв, нет, нет, нет, вы не подумайте, я давным-давно ни с кем не пью, повсюду агенты, стукачи, исключительно один, дома и самую малость! Но вчера черт дернул меня выйти в ларек уже выпимши!

Видно было, как нравится Клюке идея стать жертвой областной власти, а еще лучше самого областного КГБ, как по-старому называл службу депутат, а еще лучше – жертвой самой Лубянки! Тем более что такая удача в лице московского журналиста выпадает не часто. Но упрямо стоял на своем отказе.

– Виктор Солонович, поймите, завтра будет поздно, нам ведь нужно еще снять медицинские травмы, они же наверняка есть, хоть внутренние какие кровоизлияния, гематомы или какие-то ушибы мягких тканей, нам натянуть хотя бы на средней тяжести! Кстати, куда они вас били? На лице следов нет, к сожалению, хоть бы маленькая шишечка, мы бы ее подкрасили тенями!

– Да в том-то и дело, – почти вскрикнул Клюка. – Мягкие ткани! Один схватил мою голову себе подмышку, наклонив меня, а второй стоял и со всей силы пинал по этому самому мягкому месту! Понимаете? Я было согнул колени и попытался присесть, но снизу было еще

больнее, как по футбольному мячику, я даже кричать не мог от боли! И показания я сразу же снял в больнице, такие вещи я не откладываю на потом: тре-щи-на! В кончике копчика!

Ежихин с огромным трудом сдержал себя, чтобы не заржать как конь. Быстро опустил голову к чашке чая и медленно сделал большой глоток, как бы показывая собеседнику, что он глубоко задумался об услышанном.

– А какая разница, по справедливости говоря, трещина или перелом? Никакой! Это уже точно средней тяжести! И синяк все-таки нарисует под очки, для фотографии! Но в больнице! Я оплачу вам отдельную палату, пока обследование пройдет, пока то-се... Эка невидаль, Виктор Солонович, пендели! А что, это разве не насилие? Наоборот, с особой жестокостью, ногами! Я-то думаю, чего вы все не присядете никак уже больше часа! Значит так, пишем заявление в милицию, а я звоню коллегам в Москву, диктую новость, фотки отправим второй волной в развитие темы!

– Подождите! А с моими партийными коллегами в области нужно согласовывать?

– Ерунда, они вас на руках будут носить за такой информационный повод!

– А московские газетчики? Пока следствие, пока какие-то показания, да вдруг выяснится, что это и не чекисты вовсе?

– Виктор Солонович, я этими штуками занимаюсь уже кучу лет. Никому нафиг не интересно, кто вам на самом деле пенделей надавал, понимаете? Вот смотрите. Ваш областной босс будет вас использовать втемную для собственного рейтинга, проводя свое расследование, приезжая к вам с апельсинами и фотографом, понимаете? Он вам, наверное, скажет огромное спасибо и ни копейки денег не заплатит, а просто вашу боль будет использовать на собственный пиар перед выборами. Московские либералы ваш случай будут использовать исключительно, чтобы обвинить ненавистный режим, эти даже и спасибо вам не скажут за очередной повод. Ваш губернатор Иван Иванович, хоть ему этот скандал поперек горла будет и вообще он старой формации, но в пиаре-то все понимает! Если поднимется шум хороший, как миленький придет к вам в больницу с апельсинами и милицией, чтобы позать вам руку на телекамеру и сказать про свободу слова. Его враги и конкуренты на будущих выборах этим тоже, ясный пень, воспользуются и накинута уже на него, забыв и про вас, и про чекистов. Понимаете, да? Всем найдется тема по своему вкусу, а вы будете лежать себе в больнице, лопать апельсины и подсчитывать, как растет ваш рейтинг узнаваемости параллельно авторитету среди земляков даже не района, области или бери еще выше. Может, вас даже как жертву режима в Москву пригласят работать или куда за границу! Кстати, как вы думаете, за что вас? Нужен красивый повод...

Возбужденный Клюка, уже представляющий себя на обложках центральных газет, нервно покусывал губы. Потом лихо проковылял из сеней в дом и вернулся с районной газетой. Захихикал, рассказав о том, как глава прошляпил такую публикацию в районке, и дал почитать Ежихину. Это была статья о том, где он, депутат, ведущий городской краевед, презентовал итоги своего личного расследования и доказывал, что партизаны, по его подсчетам, грабили паракорцев в годы войны на двадцать процентов чаще, чем местные полицаи.

Турист, читая, жутко расстроился, так все хорошо шло, а тут опять его темное генетическое прошлое. Он думал, что причиной покушения на жизнь оппозиционера они раскрутят какое-нибудь ЖКХ, разоблачение коррупции, преступное разрушение какого-нибудь памятника архитектуры и прочие привычные крючки оппозиции. Не, ну что за патология такая, любыми способами обделать свою же страну и слепить из предателей героев?

– Э-э-й, ау, Иван Романович! Я готов! Новость на моем сайте в вашем ключе уже висит в разделе «Политика», пусть все-таки эксклюзив с моего сайта будет, ладно? Областной координатор звонил, безумно счастлив, сейчас же выезжает ко мне в больницу! И платную палату, кстати, он сам оплатит, сказал не дать вам потратить ни копейки, из уважения и гостеприимства, видимо! Вы хотели меня сфотографировать, пойдемте?

Перед Туристом стоял Клюка с коряво нарисованными синяками под очками, с пакетом, из которого торчали домашние тапочки, в другой руке был плащ и справка из рентген-кабинета.

– Вы, пожалуй, Виктор Солонович, идите, я зайду к вам в больницу, мне сейчас нужно несколько звонков сделать, я по улице погуляю.

– Хорошо, дорогой Иван Федорович! Я в палате сам селфи сделаю! Выходим, прошу вас, я дом закрою. Э-ге-гей, вернусь ли? Пожалуй, вы правы, молодой человек, – Клюка с легкой насмешкой глядел на Туриста. – Все всех используют втемную! Спасибо за идею! И вновь продолжается бой...

Клюка подмигнул Ивану и, насвистывая вечный мотив Пахмутовой, галантно раскланялся и отправился по переулку Курбского, между прочим, почти не прихрамывая.

Расстроенный Турист пошел в противоположную сторону. Он позвонил Кузнечко, который пришел в восторг от идеи и категорически запретил мешать Клюке. Потом он направился в тесную кафешку, что находилась аккурат у автовокзала, и через полчаса уже во всех подробностях знал всю подноготную избиения от скупающей буфетчицы, которая с удовольствием нашла в его лице собеседника и свободные уши.

Оказывается, отец Клюки родился в оккупации в семье полицейя при комендатуре. Оставив мать с сыном в Паракорочке, он ушел с немцами, затем в Перестройку уже обнаружился в Лондоне, куда к дедушке успел слетать внук еще до его смерти. Поскольку он и все его родственники считались полицейским наследием, то наследники партизан никакого продвижения в социальном плане им не давали. Годы шли, память и противостояние постепенно сглаживались, обстоятельства забывались, и как раз подросла Перестройка. Виктор Солонович благодаря лондонскому деду стал главным франтом в районе, он ходил в фирменных джинсах, кроссовках и бейсболке, всегда жевал резинку и издавал свою краеведческую газету, в которой слово «Паракарочка-Авеню» было всегда напечатано модной в Перестройку латиницей. Потом, уже в середине девяностых, он с удивлением обнаружил, что его краеведческая продвинутая газета никому особо и не нужна, а его демократическое обаяние, в отличие от суровых братков и повсеместного бизнеса, уже никого не впечатляет. Так он снова оказался на выборах, теперь уже в городскую Думу...

– Чаво-чаво! Экий ты, залетный, тугоухай! – поясняла толстая, но добродушная буфетчица, не переставая ни на секунду лузгать семечки. – Говорю же тебе! Поджопников ему малыцы с нашего поискового отряда надавали, они здесь позавчерась хлебом затаривались на свою вахту, а один такой и говорит: «Бить не будем, козлищу, но задницу распинаем для науки!». Во как! А ты чаво-чаво...

Турист вышел из вокзального буфета, посмотрел на стоящие вокруг рейсовые автобусы, оглянул редких в век личного автотранспорта ожидающих пассажиров и, прочитав маршруты на фанерном стенде, не раздумывая, прыгнул в автобус, который отправлялся в столицу Провинции.

* * *

Дела вроде как шли неплохо: расписки по депутатским душам пухли в портфельчике Василия Кузнечко, без особого ущерба для веса самого портфеля-сумки с толстой и по всему периметру благородной серебряной молнией. Нет никакого смысла для сути истории рассказывать про все его встречи и переговоры с журналистами, политическими, так сказать, авторитетами губернии и даже... скажем честно, с чиновниками из политического блока губернатора Ивана Ивановича. Да, да! Все, кто имеет отношение к различным коридорам власти и держит, так сказать, нос по ветру, уже были в курсе амбиций достаточно авторитетного, как оказалось,

для провинциалов московского политконсультанта, даром, что их в Москве да телевизоре – не счесть, и Кузнечко там далеко не в первой десятке.

Как и ожидалось, после первых и достаточно уверенных телодвижений Кузнечко провинциальный бомонд разделился на две части. Первые в ресторанах, на собраниях и прочих «на людях» говорили о том, что большего бреда они не видели и победить в их особой, не то, что другие регионы, провинции вот так с наскоку – невозможно. Авантюра с непонятными целями, и вообще – тайный проект самого же Ивана Ивановича. Вторые, говорили, что, мол, только так, по-гусарски, и можно что-то изменить, и если не сдуется политконсультант, то «хоть какая-то свежая кровь в нашем болоте».

И первые, и вторые, конечно же, судили в точности в соответствии со своими привычным амплуа политического порядка, заведенного в Провинции. А на самом-то деле все ждали, что скажет по поводу явления Кузнечко Иван Иваныч и еще больше – Москва. Но эти столпы для ориентации политического класса как-то подозрительно и равнодушно молчали, ни одного сигнала и нахмуренной брови. Словно Кузнечко с его портфельчиком и участвовавшими скандалами находился не здесь, в Провинции, в период сбора подписей для выдвижения кандидатов в губернаторы, а, допустим, где-нибудь на Мадагаскаре или в каком Катманду. Будто бы его реальные, на бумажном носителе расписки реальной оппозиции и конкретных депутатов, даже некоторых союзных глав и мэров, сити-менеджеров и даже собственников волостеобразующих предприятий, на минуточку – это не какие-то финансовые документы, но комиксы по пятнадцать рублей на выходе из магазина.

«Понижают ставки, сукины дети! Ничего, знаем, плавали! Нас игнорировать – хуже чем подставляться!» – думал Кузнечко и надиктовывал своим сотрудникам и доверенным лицам в Москве всяческие гадкие новости из Провинции, причем уже особо не скрывая свой почерк в комментариях, размещая их, эти гадости, на своих партнерских сайтах, привлекая своих постоянных заказчиков, своих – на прикорме или неофитов – блогеров.

Тем не менее что-то было неясно и непонятно. Так Кузнечко работать не очень любил. Вернее как, неясности всегда, конечно, были на всех выборах, но главное было их красиво прокомментировать до и правильно объяснить после – заказчику в первую очередь. А здесь кому объяснять? Самому себе? Может, еще это непривычное для политконсультанта состояние любви к Богине, у которой он раз в три дня вымаливал встречу в кафе, тонко напоминая о насилии со стороны ее одноклассников, и все также улетал на небеса от ее смеха, улыбки и лучистых... нет, как он говорил, искрящихся глаз. То ли из-за какой-то смутной тревоги от легкости, с которой ему удавалось договориться с держателями политических акций в виде депутатских душ в самых даже удаленных и консервативных районах. Никто, главное, не упирался особо! Турист, его правая рука в этом деле, вроде старался, но тоже все больше внушал подозрения своими разъездами и вопросами. И даже водитель Петрович начал куда-то отпрашиваться в свободное время. Хотя, пожалуй, в череде хлопот три встречи несколько напрягли его и заставили задуматься всерьез.

Первая. Один чиновник средней руки, предполагаемый информатор без риска для карьеры. Все красиво и убедительно продумано, как обычно. Чиновник из политического блока на первой конспиративной встрече в отдельном зале ресторана с отдельным выходом, как и ожидалось, «не поддержал – не отказал», тем не менее стало ясно, чем вообще в плане выборов там занимаются. А в конце посиделок вместо техничной отсечки, повторения легенды и отработки системы конфиденциальной связи в более тесном сотрудничестве, Кузнечко все испортил и нарвался на какую-то Достоевщину с поповщиной, или нет, на исповедь вместе с проповедью, как-то так. Хотя, с другой стороны, нечего было угощать незнакомого человека сразу бутылкой нестыдного коньяка, а не заказывать в бокалах по пятьдесят...

Вот бред провинциального чиновника: «Вы поймите, дорогой Василий Сергеевич! Мне и другим моим коллегам абсолютно все равно, получится у вас избраться губернатором или нет.

Я вот, например, встаю утром, смотрю новости и жалею от всей души начальника, аж плакать хочется. Его так даже родная жена жалеть не может, потому что я вижу и знаю больше ее, причем ежедневно. А то, что я знаю и вижу ежедневно – невозможно передать словами даже собственной жене. Потом, после планерок и разбора ежедневно новой толстой папки резолюций, планов, обращений, рекомендаций, запросов и просроченных ответов гражданам, примерно к обеду, начинаю жалеть уже себя, аж практически тоже в искренних слезах, но уже с элементами матерщины и молчаливой агрессии. А вечером, когда опять новости все просмотрю и заголовки сайтов – жалею уже всякого нашего брата от мала до Ивана Ивановича. И стыдно мне от такой слезной ротации, и ничего поделать с собой не могу.

Вы не подумайте, я не жалуюсь на судьбу. Вы просто поймите, честно, поймите, что нам, чиновникам, хоть даже самым политически грамотным и муниципальным, хоть сельхозным и коммунальным, хоть каким – никакой радости от вас, претендентов на престол – нету. Вот заедете вы в кабинет Иван Иваныча на белой кобыле массовых настроений, прости господи, тьфу-тьфу-тьфу... И что? Утверждаться будете и никак иначе! А как вы будете утверждаться? За наш чиновничий, понятное дело, счет и никак иначе, время такое. У нас во всей России в разряде негодяев, кроме чиновников да радикальных экстремистов, более никого теперь уже не числится, все остальные – общество и электорат, а значит, по определению – хорошие. А без негодяев, значит, утверждаться никак не возможно».

Помнится, в этот момент посерьезневший Кузнечко, пытаясь поменять тему разливом последних капель коньяка по бокалам, бросил, почему-то воспринимая все сказанное на свой личный счет: «Ну, н-не только чиновники и радикальные экстремисты, «пятая колонна» еще, которая против Крыма и п... п-п-о п-посольствам иностранным шакалит...» Чем вызвал обратную реакцию:

– Нет уж, Василий Сергеевич! Врагов прежде всего лишают права голоса и адвокатов на своей территории, а ваши шакалы каждый день на экранах, да в газетах, да каждый год на выборах изображают из себя закатанные в асфальт нежные ростки свободы. Будто это мы всей администрацией тайно на Болотную ездили, а не они, ей богу. Вы хоть одного консультанта или журналиста – адвоката чиновников на экране видели? То-то, и не увидите, потому что других негодяев у вас для народа нету. Ик... Так, значит, вы начнете утверждаться на нас перед ними, как только заедете в кабинет губернатора... У-у-уф...

А что будет, когда вы нас порубите, погромсаете, поразоблачаете и возбудитесь по отдельным представителям? Во-о-от, а я знаю. Все то же самое и будет-с! Заново-с. Потому что без нас – вы никто, а на наше место в наше-то время хоть по всей России с пряником пробегись, дураков – нету, вернее, есть именно что только дураки! Нету, нету, нету! Не обольщайтесь, уважаемый! Я вот уже под четвертым сижу, зачем? С моим-то стажем и связями? Исключительно из жалости и проклятой дисциплинированности? А нормальные-то разбежались давно, стыдно сказать, молодежь чиновничьи стулья на прилавок меняет, дожились. Это вам в кресле посидеть, благоденствием имя свое прославить, а нам реформация очередная, да народ все капризнее и придиричливее. Раньше, помню, без зарплаты на шестой месяц на дыбы вставал, а счас даже об яму во дворе штаны измажет и уже митинг организывает да президенту пишет. Мы с народом-то куда как ближе друг дружку знаем, чем с вами, демократически сме-ня-е-мы-ми. Понаразвели тут, понимаешь, демократию, с ног на уши все поставили: теперь паны, значит, дерутся перед холопами как на сцене, но не сами, а кто больше чубов чиновникам поотрубают. Как вам в таком деле помогать-то?»

Кузнечко в том разговоре мягко, чтобы не портить отношения, конечно же, попытался возразить и указать на вопиющие случаи, на взятки, лень и всяческие корпоративы с госзакупками, на что был добит ответом провинциала: «Секундочку! А кто это все создал? Лазейки, конкурсы, интернеты? Дураку же было понятно, что со ста миллионами пользователей Интернета, «вопиющих случаев» будет в миллион раз больше чем даже со ста тысячами журналистов!

А штаты чиновников и финансирование на эти вскрытые язвы в миллион раз никто не увеличит, наоборот – сокращение дармоедов подавай! Это же элементарная математика, школьная причем! Жаловаться, значит, за свои права и указывать на недостатки – возможностей у народа с каждым годом все больше, а нашего брата, который ответить должен каждому, с каждым годом – все меньше. А лазейки эти, конкурсы кто создал? Кто по целой бухгалтерии развел в каждой школе? По юристу в каждом детсаду? Мы, что ли? Может, мы еще и законы какие для себя сами лоббируем? Или все же вы? Которые трындели на каждом углу про европы с америками да язвы отечественной бюрократии со времен царей-горохов?

Да нам в целом, по-среднему, так сказать, вы еще молоко за вредность законом должны определить, за работу в условиях информационного общества, так сказать, с возможностью прихватить масла, разумеется. Запомните, молодой человек, вдруг станете-таки губернатором. Сам по себе чиновник, конечно же, ненасытен, конечно же, слаб, поскольку трагически мудр и предусмотрителен по жизни, но в отличие от всего остального общества он-то как раз – дисциплинирован! Вот, к примеру, при Иван Иваныче – наш брат куда-а-а-а меньше берет или под себя чего подмахивает, куда-а-а-а меньше, чем при Петре Петровиче предыдущем, дай Бог обоим здоровья. А вы придете, так, глядишь, и растащим все, что можно, не специально, не со злобы антинародной или протеста какого – сугубо из подстраховки и выживания служивого класса, так и получится, попомните мое слово!»

Этот разговор в целом, несмотря на ценнейшую информацию о состоянии административных редутов конкурента, впервые сначала эпопеи сподвигнул Кузнечко к мысли о глупости бурного порыва изменить свою жизнь. Впервые он, как Экклезиаст, где-то глубоко внутри себя, где невозможно и некому уже врать, подумал: а надо ли оно это кресло, и стоят ли все эти игры шапочки Мономаха? И не лучше ли, как бывало, комментировать шаги и действия губернаторов и депутатов за конкретный договор по твердым расценкам? Впервые его представления, знания, опыт по самой глубинной сути разошлись с теми, кого он раньше, честно говоря, и за людей-то не считал.

«Вполне возможно, административный саботаж организовать не получится, но с другой стороны, этот прожженный бюрократ прав, рвение чинов за Иван Иваныча, может, мне только на руку. А вдруг не рвение воров-чиновников, а искренняя работа с народом, который они, действительно, лучше нас знают? В любом случае что делать не с тупым и безотказным админресурсом, а с такими вот непонятными чиновниками во время кампании и тем более после – он не понимал. А Василий Сергеевич не любил темных пятен в полотнах собственных планов.

Второй момент. Избирком. Направился, значит, туда Кузнечко заявление писать и документы сдавать в установленный законом срок, в заключительный из возможных дней, естественно. Ясное дело, понимал, что в последний день будет ажиотаж и всяческая суeta в связи с приходом главного кандидата Ивана Ивановича со стаей любопытных журналистов и срочными, до окончания рабочего дня отчетностями. Поэтому он пошел заранее, в суete просочился из зала заседаний в рабочие пространства и отправился бродить по коридорам губернской избирательной комиссии с папочкой документов в руках.

Как он интуитивно и предполагал, председатель комиссии, опора несменяемости власти, попался-таки ему в коридоре, моложавый, весь как на шарнирах, модный, вкусно пахнущий почти как в столичных офисах, бесконечно громко разговаривающий между кабинетами по толстому, старомодному сотовому телефону.

Кузнечко, находясь на расстоянии, но не теряя из зоны акустического восприятия, лениво читал стенды со своей папкой бумаг, телефоном и индифферентным видом, не встречаясь взглядом и не сталкиваясь, само собой. Обрывки разговоров его прямо умилили: «У меня только один начальник, товарищ полковник, Иван Иваныч скажет – успеем! Хотите успеть напечатать – к нему, а я госорган, финансов нету!.. Я тебе, Федорович, комиссию-то причешу – собрать не успеешь, не держи меня за выездную урну, твою за ногу! Вводи, я сказал, чтоб состав

у меня сегодня же был!.. Юрий Ильич, Юрий Ильич! У меня начальник – Москва, что вы на меня давите-то, а? Меня тупить, только язык мозолить, давай уж без разногласий!.. Так точно, так точно! Чего там, Москва умный – я дурак! Шучу. Поклон верховному... В их смете КОИБы только на города, райцентры пробивайте по своей партийной линии наверху!.. Я тебе, Володя, такую досрочку устрою, своих собрать не успеешь! Чтобы по Закону у меня все, и Главе на счет сигнализации от меня – персональный привет! Понял, да?.. Матвей Соломонович... Т-с-с... Матвей Соломонович! Вы меня еще разок вилами то приколите, приколите в своих боевых листовочках, а то мы как электорат все в глубоком сомнении на счет вашей политической эрекции! Не обижайтесь потом, за язычком-то присматривайте, ага, до встречи, до встречи, после дня голосования только, физкульт-привет!.. Мы ж тебя еле-еле согласовали, спасибо не булькает! Работай, работай, председатель, жду доклада...»

«Холерик, юрист с научной степенью, прохиндей, – сделал вывод Кузнечко из личного, так сказать, восприятия обрывков коридорных разговоров. – Наш человек!»

В конце концов, перед приемом документов председатель избиркома вдруг сам его узнал, сам подошел и, не обращая внимания на маску высокомерия, удивления и вежливого интереса к его, председателя избиркома личности, на лице Кузнечко, сказал: «Привет, Вась! Ты меня, если чего, не коррумпируй, сам понимаешь, все по закону, сам на Москву работаю, как понимаешь. Но если козыри какие в кармане есть – не затягивай! Народ у нас такой, долгий и непредсказуемый. С областными чиновниками не вздумай шашни водить, кинут, потом их за жабры возьмешь, как побегут они к тебе очередь на поклон – значит, все нормально у тебя, тут их и бери тепленьких. А вообще, красиво, конечно, красиво заходишь! Масштабу не хватает пока, но у вас, московских, все продумано всегда, знаем-знаем! И да, все проверь! Все проверь в своих документах! Не обижайся, если что потом, всех деру и буду драть по букве Закона! Сплошная уставщина нынче, никаких поблажек, Вась, ну, ты-то опытный, читал про тебя, уважаю... Пойдем сдаваться, быстренько оформлю нормального кандидата и жду с подписями через две недели...»

В этом эпизоде истории Кузнечко сам себя впервые почувствовал студентом или даже школьником. Никакого плацдарма, даже зацепиться с краюшку ему просто не дали. Поставили перед фактом, и все наживки с привычными поплавками для избиркома, которые он мастерски, надо сказать, расставлял для десятков своих кандидатов во многих провинциях раньше – ему просто даже не позволил расставить какой-то чернявенький, моднявенький на шарнирах, но с твердой телепатической уверенностью председатель провинциальной избирательной комиссии...

Наконец, третий, врезавшийся комариным зудом в память политконсультанта момент. Он состоял в отвратительной беседе с главой одного, самого дальнего, неприязнительного, и, на его взгляд, политически серого, бедного ресурсами для таких серьезных переговоров Старо-Истукановского района.

Там вообще, глава района, женщина, между прочим, взяла и встретила его не как кандидата, а, предварительно начитавшись его, Кузнечко, экспертных работ и комментариев, довела незваного гостя до такой степени бешенства своей деревенской прямоотой, что Кузнечко дал команду Туристу обнулить район в глазах Иван Иваныча и СМИ любыми способами. Впрочем, по порядку.

Женщина эта имела вид обаятельный, но не фешенебельный по столичным меркам, а деревенский, словно только что из под коровы с ведром сливок. Она не умела, как ее некоторые молодые коллеги модельной внешности в Госдуме, с придыханием интонировать: «Кане-е-ешно, па-а-нельный формат дискуссии был содержа-ательным, лидер партии ска-а-азал же о приоритетах, неужели непонятна-а-а? Надо ра-а-аботать всей страной!». Ну и там прочее бла-бла-бла про сферы, в которых они-то как раз ни бум-бум, но вроде как – курируют по всей стране, тщательно блюдя соответствующий внешний вид куратора, между прочим – ровно с

таким же образованием, как у здешней главы, или даже хуже на самом деле. Но глава взяла Кузнечко не образованием, а сугубо практикой и верой в партию власти, более горячей и искренней по ходу, чем у все тех же московских однопартийцев:

– Вы мне, вашу идриттвую, чего же это предлагаете? Значит, я вам – депутатов, а вы мне – денег как бы на спортгородок, а мне потом в подушку плакать и в церкви грехи замаливать, что помогла болтанию во власти таких вот консультантов? Так, что ли?

– Чем же я-то вам не угодил? Мария Николаевна? Я, вообще-то, в детстве тоже коров пас, если что, несколько раз даже, на даче... В другой области...

– Слава богу несколько раз, а то с таким пастухом и коровы бы быками стали, а быки вместо того, чтобы телок покрывать, сплошь семинарами да конференциями занимались бы! Вы тут придумали рейтинг «Олимп Империи»? Вы, вы! А чо вы там пишете-то вообще? А? Теперь вот нам тут такие же рейтинги по районам пытаются вводить некоторые, ну не идиоты? Вы, вообще-то, головой думали, когда свою хренотень сочиняли, извиняюсь за грубое слово?

– Так, успокойтесь, что за тон! – властно-московским голосом попытался взять инициативу в разговоре Кузнечко. – Вы понимаете, что рейтинг формируется по совокупности экспертных оценок, на основе комплексного анализа ситуации в регионе по открытым и нашим собственным источникам! Это вам не «телок покрывать», а целая наука!

– Слушайте, балабол, вы мне по ушам, деревне, конечно, ездите. Но что такое ваши эксперты, если также, как и вы, промежду прочим, даже одного года не то что в районе, в областной власти не работали? И что такое анализ ваших СМИ? Вы же официальные не анализируете, как там, аффилированные! То есть районку мою – ни-ни, а проезжающего какого туриста с похмелья, которого во все СМИ и ваши соцсети с твитерами растащили – берешь в оценку, так? Так! Он же как бы независимый, получается, хоть и тупой в любом моем вопросе! Понимаешь? Опять же моим жителям на твоего проезжающего болезного вместе со всеми твитерами начхать и то некогда, а вы его, значит – от имени народа. Ну, хорошо, Машка Сидоруха, местная и грамотная, так и она вдруг – глас всего районного народа, так, что ли? Вам же некогда со всеми поговорить, спешите все, кто, понимаешь, свистнул громче всех, того и слышали, а потом и забыли за ненужностью, главное – рейтинги ваши красиво расписать, да? Такое ощущение, что и не надо вам разбираться-то! Из каких-то своих мыслей двигаете там туда-сюда, а потом подгоняете под свои хотелки! Куда ж партия наша там, в Москве, смотрит-то!

– Мария Николаевна, дорогая, не обобщайте и не валите на меня ваши какие-то застарелые обиды, ей богу, все решаемо, все решаемо, поверьте, даже ровно в противоположную сторону, при желании! – попробовал задобрить даму будущий кандидат. Но дама-то как раз оказалась не промах:

– Почему обобщаю? Вот ваш рейтинг последний, два месяца назад, между прочим, с упоминанием моего района в причинах проседания нашей Провинции! Что вы пишете? «Слабая аргументация власти в дискуссии по проблеме экологических рисков на кроличьей суперферме... Развитие скандала вокруг неадекватного административного штрафа лидеру оппозиции Кухнеру»... Отсутствие внятной реакции на заявление общественников о коррупции в сфере выделения материальной помощи общественным организациям!» Вы чего, с Марса? У меня народ, если кто прочитает – ко мне бежит поржать вместо кинокомедии. Слава богу, большинству не до этого! А вот можно вам лично вопрос? Сколько на мой райцентр нужно гик заготовить на зимний сезон? Сколь это будет стоить в дровах, в мазуте, в угле? Когда окупится котельная на щепе Иван Иваныча, дай Бог ему здоровья, при собираемости шестьдесят процентов? И как мне местных мужичков в фирму сколотить на заготовку этой щепы, чтоб в соседний район копейку за щепу и доставку не платить? Вот пока не ответишь хоть на один вопрос, дальше не буду говорить! И-и-и? Ну, позвони своим экспертам-то? И-и-и? Тему не переводи! Сколько гик мне надо на район и где на них денег взять, а? А вот если заморожу народ зимой, так вы только руки потирать будете, что повод языки почесать появится да оценки

ваши журналистам раздавать. И что ж мы молчим-то? И ведь живем же как-то, без таких умников! Скажи спасибо, что я тебя еще про пожарные водоемы не спросила, детские сады и эту, ин... ин-вестиционную приветливость!

Кузнечко был в ярости, но не мог ее излить на эту не в меру грамотную без всякого политического чувства и этикета главу. В сердцах он воскликнул:

– Маша Николаевна! Если вы такая умная и наши рейтинги вам не нравятся, то почему я, а не вы в Москве? И чего вы сами-то за свое креслице так держитесь? Свой гешефт потерять боитесь? Вместо того чтоб с гражданским обществом работать, за костные формы работы прячетесь, реакцию разводите? Не боитесь? Или вы считаете у вас тут нарушений накопать невозможно соответствующим органам, честные такие?

Вместо ответа глава посмотрела на него как на дурачка, встала, прошла мимо, захватив сумочку, и на выходе из кабинета сказала секретарше:

– Давай домой, поздно уже, я Зорьку доить, рассаду еще нужно выставить сегодня, а ты, Маша, свет везде погаси и двери в кабинет замкни...

Вот три эти непростых встречи чуть было не сломили Кузнечко. Его мучало, что его воспринимают как какого-то виновника всех сегодняшних трудностей, какого-то соучастника создания всей современной демократической России, с чем отчасти он даже был согласен. Будто ему как москвичу и политконсультанту за всех сразу, раз уж он здесь оказался, выставляют счет за эту демократическую Россию и гражданское общество, а он ни ответить, ни помочь не в состоянии. Профессия и биография Кузнечко преследовала его даже в Провинции, даже в новом статусе, словно не отпускала и мстила за попытку измены. В его злобном от таких повседневных практик мозгу даже возникла идея: создать отдельный вид административного наказания для московских коррупционеров и проштрафившихся чинов столиц – возглавлять поселения в провинции. Но быстро отказался от этой идеи именно потому, что предрек девяти из десяти таких ссыльных жуткую судьбу в отношениях с местным народом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.